

Номер 16

Автор:

Адам Нэвилл

Номер 16

Адам Нэвилл

Мастера ужасов

В Баррингтон-хаус, уважаемом доме в престижном районе Лондона, есть квартира номер 16. В нее никто не входит, из нее никто не выходит, и так заведено уже 50 лет. Но однажды сюда приезжает Эйприл, молодая американка, которой оставила наследство двоюродная бабушка Лилиан. По слухам, к концу жизни та обезумела, но ее дневник говорит о другом: Лилиан встретила с чем-то ужасающим и необъяснимым, и оно по-прежнему живет в этом доме. Решив узнать историю своей родственницы, Эйприл не подозревает, с какими силами ей придется столкнуться. Ведь Баррингтон-хаус – не особняк с привидениями, а квартира номер 16 – не обычное проклятое место. Это врата к чему-то, находящемуся за пределами человеческого понимания.

Адам Нэвилл

Номер 16

Adam Nevill

Apartment 16

First published 2014 by Pan Books, an imprint of Pan Macmillan, a division of Macmillan Publishers International Limited

Печатается с разрешения издательства Pan Macmillan и литературного агентства Andrew Nurnberg

Перевод с английского Елены Королевой

В оформлении обложки использована иллюстрация Михаила Емельянова

Дизайн обложки: Юлия Межова

Серия «Мастера ужасов»

Copyright © Adam Nevill 2010

© Елена Королева, перевод, 2022

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается Рэмси Кэмпбеллу,

Питеру Краутеру и Джону Джерролду

Я хочу, чтобы мои картины производили такое впечатление, словно между ними прошел человек и оставил след своего присутствия и воспоминаний, как улитка, проползая, оставляет после себя слизь.

Пролог

Сет остановился и пристально посмотрел на дверь шестнадцатой квартиры, как будто пытаюсь увидеть сквозь золотистую тиковую обшивку, что творится внутри. Подозрительные звуки слышались, еще когда он спускался с девятого этажа и пересекал лестничную площадку. Точно так же, как в три последние ночи во время дежурного обхода здания.

Выйдя из оцепенения, Сет отпрянул от двери и быстро шагнул в сторону. Его долговязая тень скользнула вверх по противоположной стене, раскинув руки, словно в попытке за что-нибудь ухватиться. От этого зрелища Сет вздрогнул.

– Черт!

Ему не нравилась западная часть Баррингтон-хаус, хотя он не смог бы сказать, чем именно. Наверное, здесь просто слишком темно или лампы развешаны как-то неправильно. Старший портье утверждал, что с ними все в порядке, но, когда Сет поднимался по лестнице, ступени освещались неровно. Создавалось впечатление, будто тени абажуров тянутся к спускающемуся по ступеням человеку, выбрасывают перед собой колючие конечности, еще не успев показаться из-за поворота, и по временам Сету даже казалось, что он слышит шорох одежды и «топ-топ-топ» чьих-то решительно приближающихся шагов. Только никто так и не появлялся, и, заворачивая за угол, Сет ни разу никого не встретил.

Однако шум в шестнадцатой квартире тревожил его куда больше каких-то там теней.

Потому что в поздний ночной час в этом элитном квартале Лондона обычно стояла ни с чем не сравнимая тишина. Улицы вокруг Баррингтон-хаус, за Найтсбридж-роуд, были тихими сами по себе. Лишь изредка вокруг Лаундесквер проезжала машина. Внутри же дома ночной портье в крайнем случае мог

вдруг заметить, что электрические лампы на площадке жужжат, словно рой насекомых, бьющийся в неподатливое стекло. Но с часу ночи до пяти утра все жильцы спали. За дверьми квартир слышались лишь невнятные шорохи.

К тому же в шестнадцатой никто не живет. Старший портье как-то сказал, что квартира пустует больше пятидесяти лет. Но уже четвертую ночь подряд внимание Сета было приковано к ней. Потому что за дверью что-то стучало, билось. До сих пор он списывал это на обычные шумы старого здания. Здания, которое простояло уже больше ста лет. Может, форточку распахнуло сквозняком. Что-нибудь в этом роде. Но сегодня ночью стук сделался настойчивым. Он стал громче. Он был каким-то осмысленным. И приблизился. Казалось, он адресован Сету и время выбрано специально – именно тот момент, когда в два часа ночи он идет через площадку к следующему лестничному пролету, тот самый час, когда температура тела падает и происходит большинство смертей. Час, когда Сет, ночной портье, отрабатывает жалованье, совершая обход девятиэтажного дома, осматривает все лестничные пролеты и площадки. Но ни разу до сих пор он не слышал ничего похожего на эту внезапную бурю звуков.

Мебель загрохотала по мраморному полу, как будто в прихожей шестнадцатой квартиры опрокинули стул или столик. Может, даже перевернули или вовсе разбили. Ничего подобного вообще не должно быть – даже днем – в столь уважаемом доме, как Баррингтон-хаус.

Встревоженный, Сет смотрел на дверь, будто ожидая, что та распахнется. Его глаза были прикованы к латунной цифре 16, начищенной так ярко, что она казалась отлитой из белого золота. Сет даже не смел моргнуть, он боялся перевести взгляд и обнаружить источник возмутительного шума. Увидеть нечто, чего не сможет вынести. Он даже задумался, хватит ли сил в ногах, чтобы быстро спуститься на восемь этажей. Возможно, спасаясь бегством.

Он задушил в себе эту мысль. Жаркая волна стыда пришла на смену внезапному испугу. Ему тридцать один год, он взрослый мужчина шести футов ростом, а не ребенок. Ему платят за охрану дома. Хотя, нанимаясь на эту работу, он не предполагал, что придется заниматься чем-то еще, кроме как обеспечивать свое вселяющее уверенность присутствие. Теперь он обязан во всем разобраться.

Стараясь не замечать стука собственного сердца, который отдавался в ушах, Сет подошел к двери и прижался левым ухом к щели почтового ящика. Тишина.

Он потянулся к узкой крышке. Если встать на колени и толкнуть внутрь металлическую пластину, лампы с лестничной клетки осветят часть прихожей.

Но что, если там окажется кто-нибудь?

Сет замер, затем отнял руку.

Входить в шестнадцатую квартиру запрещено всем без исключения – это вдолбил в него старший портье, когда полгода назад Сет только устроился на ночную работу. Подобные строгие правила вполне обычны для охраняемых домов Найтсбриджа. Даже выиграв изрядную сумму в лотерею, простой смертный еще поборолся бы за возможность получить апартаменты в Баррингтон-хаус. Трехкомнатные здесь стоили не меньше миллиона фунтов, а содержание обходилось в дополнительные одиннадцать тысяч в год. У многих обитателей хоромы были набиты антиквариатом, некоторые оберегали свою частную жизнь не хуже военных преступников и рвали все бумаги, прежде чем выбросить в мусор, который выносил обслуживающий персонал. Помимо шестнадцатой, в доме пустовало еще пять квартир, в которые также было строго запрещено входить. Однако во время ночных обходов Сет ни разу не слышал, чтобы из них доносился подозрительный шум.

Может, кому-нибудь разрешили остановиться в шестнадцатой и кто-то из дневных портье позабыл сделать запись в журнале? К несчастью, они оба, и Джордж, и Петр, недоверчиво нахмурились, когда Сет в первый раз упомянул о непонятных звуках, сдавая утром вахту. Значит, остается только одно логичное объяснение: в квартиру проник посторонний.

Но в таком случае злоумышленнику пришлось бы подниматься снаружи по приставной лестнице. Сет обходил дом вокруг десять минут назад и ничего подобного там не увидел. Можно, конечно, пойти разбудить Стивена, старшего портье, и попросить его отпереть квартиру. Но Сету совершенно не хотелось беспокоить начальство в столь поздний час – у Стивена жена-инвалид. Все свободное время между сменами он посвящает ей и к концу дня полностью выматывается.

Опустившись на одно колено, Сет толкнул крышку почтового ящика и взгляделся в темноту. Холодный ветер ударил в лицо знакомым запахом: древесно-камфорным ароматом гигантского бабушкиного гардероба, который в детстве

был для Сета настоящей тайной комнатой; этот же запах ассоциировался с читальными залами университетских библиотек и музеями, построенными в эпоху королевы Виктории. Скромное напоминание о прежних обитателях и старине, предполагающее скорее их отсутствие, чем присутствие.

Тусклые лучи, падавшие из-за спины Сета, высветили за дверью пяточок прихожей. Ночной портье различил смутные очертания телефонного столика у стены, темный дверной проем справа и несколько квадратных метров пола, выложенного плитками из черного и белого мрамора. Остальное пространство терялось в тенях или кромешной тьме.

Сет сощурился из-за противного сквозняка, бившего прямо в лицо, и попытался рассмотреть что-нибудь еще. И снова неудача. Однако волосы зашевелились у него на голове.

Он услышал, как нечто увесистое, завернутое в простыню или большой ковер, перемещают короткими рывками подальше от узкой полоски света, проникающего из коридора. Звуки удалялись в глубь квартиры, постепенно затихая, и наконец смолкли.

Сет подумал, что надо крикнуть в темноту, бросить ей вызов, однако не мог заставить себя раскрыть рот. Его вдруг охватило пронзительное ощущение, будто за ним наблюдают. И это внезапное осознание собственной уязвимости и того, что он стал предметом пристального изучения, едва не заставило его опустить крышку почтового ящика, встать и отойти назад.

Портье был в смятении. Рассуждать логично не получалось. Он так устал. Вымотался до предела, все валится из рук, ничего не ладится, он просто бредит. Ему тридцать один, но из-за ночных смен он чувствует себя на все восемьдесят. Очевидно, сказывается постоянный недосып, обычный для тех, кто работает по ночам. Но Сет никогда в жизни не страдал галлюцинациями. В квартире номер шестнадцать кто-то есть.

– Господи!

Открылась дверь. Внутри. Где-то в затененной части квартиры. Наверное, примерно в середине коридора. Она щелкнула и, медленно, со скрипом распахнувшись во всю ширь, ударилась о стену.

Сет не двигался и даже не моргал, просто стоял и ожидал приближения из темноты чего-то неведомого.

Но было только это ожидание и еще тишина.

Правда, она длилась недолго. Сет кое-что уловил. Звук был слабый, но он нарастал, как будто нацеленный ему в лицо.

Гул доносился из недр тихой необитаемой квартиры. Какой-то рокот, очень похожий на тот, что слышится внутри больших морских раковин. Наводящий на мысль о далеких ветрах. Возникло странное ощущение, будто за дверью раскинулось громадное пространство. Там, в темноте, в которой Сет ничего не мог разглядеть.

Дуновение изнутри усиливалось, пока он, скорчившись, всматривался в щель. Ветер нес с собой что-то. Отзвук чьего-то голоса, далекого, но все еще различимого. Голоса, который словно расходится концентрическими кругами на многие мили. Нет, здесь не один голос, голосов множество. Но крики так далеки, что слов никак не разобрать.

Сет отстранился от двери, его разум лихорадочно выискивал разумное объяснение. Может, где-то открыто окно? Вероятно, включено радио или работает телевизор? Нет, невозможно, ведь в квартире никто не живет.

Ветер дул теперь ближе, и голоса сделались громче. Они постепенно набирали силу вместе с движением воздуха. И хотя слов все равно было не понять, интонации угадывались безошибочно, наполняя Сета сначала все нарастающим беспокойством, а затем настоящим ужасом.

Это были крики напуганных до смерти. Кто-то визжит. Женщина? Нет, не может быть. Теперь звук приблизился, он напоминал вопль животного. Сету вспомнился бабуин, которого он однажды видел в зоопарке, тот ревел, растягивая вишневые губы и выставляя черные десны и длинные желтые клыки.

Вопль унесло прочь, его сменил хор стонов, преисполненных отчаяния, где каждый будто пытался заглушить другие на холодном ветру. Истерический крик нарастал, перекрывая остальные звуки. Они внезапно откатились назад, словно

увлеченные прибоем, и Сет почти разобрал то, что говорил ему голос.

Он опустил крышку почтового ящика, и немедленно повисла глухая тишина.

Поднявшись и отойдя от двери, Сет попытался собраться с мыслями, но ему мешал грохот сердца, отдававшийся в ушах. Портье утер со лба пот рукавом пуловера и ощутил, как сильно пересохло во рту – словно он наглотался пыли.

Сету нестерпимо хотелось бежать вон из здания, вернуться домой и лечь спать – покончить со всеми странными ощущениями и острыми впечатлениями, которые провоцируют бессонницу. Ведь причина именно в ней.

Перепрыгивая через две ступеньки застеленной ковром лестницы, Сет промчался по западному крылу до самого нижнего этажа, быстро прошагал мимо стойки портье и вышел из Баррингтон-хаус через парадный вход. Он остановился на тротуаре и, запрокинув голову, считал светлые каменные балконы, пока не дошел до восьмого этажа.

Все окна до единого закрыты, ни одно даже не приоткрыто, все наглухо заперты, стекла плотно сидят в белых рамах, а интерьер шестнадцатой квартиры к тому же скрыт плотными занавесками, и днем и ночью задернутыми, от Лондона и остального мира.

Но волосы у Сета все равно шевелились, потому что он по-прежнему слышал над головой или в голове все тот же свист далекого призрачного ветра и чьи-то невнятные крики, словно они спустились вниз вместе с ним.

Глава первая

Сразу из аэропорта Эйприл отправилась осматривать свое наследство. Добраться до нужного места оказалось несложно: прямо из Хитроу по синей ветке метро Пикадилли-лайн до станции «Найтсбридж».

Вынесенная наверх по бетонным ступенькам спешащей и толкающейся человеческой массой, Эйприл со своим рюкзаком оказалась на тротуаре. Она так

долго ехала, что перед глазами до сих пор стоял мертвенный свет подземки. Если карта не подвела, это и есть Найтсбридж-роуд. Девушка шагнула в толпу.

Кто-то подтолкнул ее сзади, чей-то острый локоть отпихнул в сторону, и Эйприл немедленно сбилась с ритма этого странного города. Она ощущала себя лишней и совсем маленькой, что вселяло в нее чувство вины, но в то же время злило.

Эйприл пересекла узкий тротуар и спряталась под навесом магазина. Колени одеревенели, она обливалась потом под кожаной курткой и клетчатой рубашкой. Несколько секунд постояла, наблюдая, как мимо течет, колышется, извивается людской поток, декорацией которому служит Гайд-парк, теряющийся в тумане.

Было трудно сосредоточиться на каком-то одном здании, на чьем-нибудь лице или витрине, потому что Лондон находился в непрерывном движении, обтекал все статичные конструкции. Тысячи людей вышагивали по улице или пересекали ее, стоило красным автобусам, белым фургонам, грузовикам и легковушкам на секунду остановиться. Эйприл хотелось охватить взглядом все сразу, узнать, понять, где здесь ее место, однако из-за потоков энергии, расходившихся по улице в разные стороны, мыслительный процесс затормаживался, она часто моргала, как будто разум сдался и желал заснуть.

Эйприл проследила взглядом по карте в путеводителе самый простой и короткий маршрут до Баррингтон-хаус. Она проделывала это, наверное, уже в сотый раз с тех пор, как восемь часов назад села в самолет в Нью-Йорке. Все, что ей требуется, – дойти до конца Слоун-стрит, затем повернуть налево на Лаундес-сквер. На такси она все равно не подъехала бы ближе, чем на метро. Дом двоюродной бабушки расположен где-то на площади, значит, там ей останется только отыскать нужный номер. Прекрасно, прямо камень с души! Стоило Эйприл представить, как она вглядывается в вывески и пытается понять, в какую сторону идти по улицам вроде этой, как ей делалось не по себе.

Давно пора отдохнуть. Она не спит всю последнюю неделю, с тех пор как выяснилось, что ее ждет поездка в Лондон и осмотр неведомого наследства, оставленного им с матерью бабушкой Лилиан. В самолете Эйприл удалось лишь немного подремать. Но разве удастся выспаться в столь суматошном городе?

Короткая прогулка от метро до Лаундес-сквер укрепила Эйприл в подозрении, что ее двоюродная бабушка была далеко не бедна. Уже по карте, увидев, что

квартира расположена неподалеку от Букингемского дворца, Белгравии с многочисленными посольствами и знаменитым универмагом «Хэрродс», Эйприл заключила, что последние шестьдесят лет жизни ее двоюродная бабушка провела отнюдь не в трущобах. Однако эта догадка никак не подготовила Эйприл к первой встрече с Найтсбриджем: белые дома с высокими окнами и черными перилами тянулись к небу, дорогие автомобили стояли вдоль тротуаров, тонкие белокурые англичанки с отрывистой речью вышагивали в туфлях на каблуках. Рядом с их дизайнерскими сумочками ее рюкзак казался мусорным мешком. В байкерской куртке, в закатанных джинсах и «конверсах», с распущенными черными волосами, как у Бетти Пейдж,[1 - Бетти Пейдж – звезда эротического фото, секс-символ 50-х годов. (Здесь и далее прим. перев., кроме особо оговоренных.)] Эйприл ощущала себя крайне неловко и все ниже опускала голову от смущения и неуверенности человека, попавшего не в свою среду.

По счастью, на Лаундес-сквер немногие стали свидетелями ее замешательства: две арабские женщины, вышедшие из серебристого «мерседеса», да еще высокая блондинка, русская, которая сердито беседовала по телефону через закрепленную на ухе гарнитуру. После суматохи Найтсбридж-роуд от элегантной площади веяло спокойствием. Многоквартирные дома и гостиницы выстроились ровным прямоугольником вокруг вытянутого овала парка в центре, за оградой которого виднелись низкие деревца и голые клумбы. Непринужденное изящество зданий вселяло умиротворение в атмосферу, оставляя городской шум где-то позади.

- Не может быть!

Неужели теперь им с матерью принадлежит здесь квартира? Во всяком случае, до тех пор, пока они не продадут ее за кругленькую сумму. Эта мысль сейчас же пронзила Эйприл. Ей захотелось здесь жить. Двоюродная бабушка провела в этом месте больше шестидесяти лет, и Эйприл важно понять почему. Все здесь утонченно, безупречно, пронизано историей. За каждой дверью ей представлялся безукоризненно вежливый и равнодушный ко всему дворецкий. Здесь должны жить аристократы. И еще дипломаты. И миллиардеры. Люди, не похожие на Эйприл и ее мать.

- Господи, мама, ты просто не поверишь, – пробормотала она вслух.

Эйприл знала бабушку по одной-единственной детской фотографии. На ней было забавное белое платьице, повторявшее наряд ее старшей сестры Мэрилин,

бабушки Эйприл. На том снимке Лилиан держала сестру за руку. Девочки стояли рядом во дворе их дома в Нью-Джерси, кисло улыбаясь. В тот момент Лилиан и Мэрилин были ближе друг к другу, чем когда-либо после. Во время войны Лилиан уехала в Лондон, поступив на секретарскую должность в армию США. Там познакомилась с одним англичанином, летчиком, и вышла за него замуж. Домой она так и не вернулась.

Наверное, сестры все-таки переписывались или посылали друг другу открытки, потому что Лилиан знала о появлении на свет внучки. В раннем детстве Эйприл получала от двоюродной бабушки поздравления с днем рождения. В конверт обязательно были вложены английские деньги, фунты, – красочные бумажки с изображениями королей и герцогов, батальными сценами и бог знает чем еще. И с водяными знаками, которые проступали, если посмотреть купюру на свет, что казалось девочке настоящим волшебством. Ей всегда хотелось оставить себе фунты, не менять на доллары, которые на их фоне казались игрушечными фантиками. И еще всегда хотелось побывать в Англии. И вот она здесь, впервые в жизни.

Лилиан исчезла из их жизни много лет назад. Эйприл еще не исполнилось десяти, когда от бабушкиной сестры перестали приходить рождественские открытки. Мать была постоянно занята, воспитывая ребенка в одиночку, поэтому не обратила на это особого внимания. Когда умерла бабушка Мэрилин, мать написала Лилиан на ее адрес в Баррингтон-хаус, но ответа не получила. Поэтому они решили, что Лилиан тоже умерла там, в Англии, где прожила жизнь, о которой они ничего не знали, и слабенькая связь между поколениями оборвалась навсегда.

Однако два месяца назад пришло письмо от нотариуса, в котором тот сообщал им, как последним живым родственникам, о наследстве, оставшемся после «печальной кончины Лилиан Арчер». Эйприл с матерью до сих пор не пришли в себя от изумления – Лилиан умерла каких-то два месяца назад, а они в результате унаследовали квартиру в Англии! Найтсбридж, Лондон – это вам не шуточки. И сейчас Эйприл стоит перед этим самым Баррингтон-хаус, перед громадным белым зданием, которое величественно возвышается на краю площади. Вверх бегут этажи из благородного белого камня – классицизм, однако же с легким намеком на ар-деко, проявившимся в узорах вокруг оконных проемов. Дом был настолько прекрасен и горделив, что Эйприл ощущала лишь робость, глядя на широкие стеклянные двери в латунных рамах, на корзины с цветами и узорчатые колонны по обе стороны мраморной лестницы.

– Невероятно!

За своим отражением в старинном стекле парадных дверей Эйприл видела длинный, застеленный ковром коридор с высокой стойкой портье в конце. За ней она разглядела двух аккуратно подстриженных мужчин в серебристых жилетах.

– Вот черт!

Эйприл засмеялась над собой. Нормальная жизнь вдруг словно превратилась в кинематографическую фантазию! Ощущая нелепость происходящего, она еще раз сверила адрес в бумагах, полученных от нотариуса. Письмо, контракт и документы о передаче прав на недвижимость теперь послужат ей ключом. Ключом от этого дома.

Никаких сомнений. Это тот самый дом. Их дом.

Глава вторая

Он появился снова, осмотрел Сета с противоположной стороны улицы. Теперь стоял у края тротуара между двумя припаркованными машинами, а не ежился на крыльце магазина и не выглядывал из переулка, как в предыдущие три раза.

Сегодня фигурка придвинулась ближе, привлекая внимание портье, и в существе угадывалась растущая уверенность. Нисколько не тревожимый косым дождем, некто, не двигаясь, пристально смотрел вперед. Прямо на Сета. Некто.

Сет решил, что это мальчик, но определить наверняка не смог. Хотя голова безмолвного наблюдателя уже не терялась в тени, лица из-за капюшона грязной парки Сет так и не разглядел. Просто какой-то бездельник слоняется по улицам, вместо того чтобы сидеть в школе, как полагается в это время всем детям, у которых есть родители. И стоит незнакомец прямо напротив паба «Зеленый человечек», над которым живет Сет.

Может, ребенок просто дожидается отца или мать, засидевшихся в баре. Однако все внимание мальчика было сосредоточено на Сете. К тому же он стоял на том

же самом отрезке Эссекс-роуд, где и в прошлые три раза, когда у Сета был выходной.

Ребенок выглядел весьма странно, закутанный с головы до ног в полинялую парку защитного цвета. Или серого? Было сложно определить оттенок на фоне сумерек и влажного серебристого воздуха, под закопченной красной вывеской, предлагающей жареных кур навынос. Но это точно настоящая старая штормовка. Сет лет сто таких не видел. Даже не думал, что их до сих пор выпускают.

Еще на незнакомце были брюки. Не мешковатые джинсы, не спортивные штаны, какие носит большинство современных мальчишек, а именно брюки. Форменные школьные брюки. Плохо подогнанные и слишком длинные, как будто достались от старшего брата. Наряд довершали черные ботинки на толстенных подметках. Их Сет тоже давным-давно не встречал, со времен начальной школы. А в начальную школу он ходил в первой половине семидесятых.

Обычно, пробираясь по этому району Лондона, Сет старался не всматриваться в прохожих, особенно старательно избегал глаз встречных подростков. Многие из них были в подпитии, и Сет знал, к чему может привести открытый взгляд.

В этой части города полным-полно необузданной молодежи. Дети слишком рано приобщаются к атрибутам взрослости и слишком увлеченно играют в зрелость, искореняя в себе истинные черты юности. Но этот мальчик был совсем не таким. Он выделялся из общей массы своей беззащитностью, своим одиночеством. Он напоминал Сету его самого в детстве, и Сет смотрел на него с состраданием. Все воспоминания о том времени были для него болезненными, пронизанными ужасом перед хулиганами – который он до сих пор ощущал, словно привкус озона, – и острыми приступами тоски, овладевавшими им уже двадцать лет, со дня развода родителей.

Но больше всего Сета удивляло странное и внезапное чувство, какое каждый раз предшествовало появлению загадочного ребенка. От его фигуры веяло такой силой, что Сет неизменно переживал легкое потрясение и растерянность, как будто его внезапно окликнули или чья-то рука, вынырнув из толпы, вдруг подхватила его под локоть. Не то чтобы он пугался, но каждый раз вздрагивал. Пробуждался. Однако ощущение чего-то важного исчезало раньше, чем разум Сета успевал на нем сосредоточиться. Точно так же и мальчик. Он никогда не задерживался надолго. Лишь давал знать, что наблюдает.

Но сегодня было по-другому. Фигура в длинной куртке замешкалась у края тротуара.

Сет поднял глаза прямо на незнакомца. Он ожидал, что столь пристальное внимание заставит ребенка опустить голову, смутиться под настойчивым взглядом. Ничего подобного, тот даже не дрогнул. Мальчишка в длинной куртке чувствовал себя совершенно непринужденно, он просто смотрел на Сета из темных глубин нейлонового капюшона, отороченного мехом. Казалось, он простоял в одном положении так долго, что вот-вот сольется с улицей, превратится в статую, безразличную к людям. Создавалось впечатление, что прохожие вообще не замечают мальчика.

Скоро ситуация стала неловкой. Разговор казался неизбежным. Пока Сет придумывал, как лучше окликнуть ребенка, стоявшего на другой стороне улицы, дверь за спиной распахнулась.

Сета окатила волна шума из бара. Кто-то выкрикнул: «Сука!», затем стул со скрежетом проехался по деревянному полу, бильярдные шары стукнулись друг о друга, раздался взрыв пьяного смеха, и за всем этим из музыкального автомата лилась негромкая песня о любви, словно стараясь утихомирить буянов. Сет поглядел на ярко-оранжевую дверь паба, но никто не вошел и не вышел. Звуки еще выплескивались, пока створка закрывалась под собственным весом, но постепенно затихали, а в следующий миг жаркое и шумное помещение снова отрезало от улицы.

Сет перевел взгляд обратно – мальчик исчез. Выйдя на проезжую часть, Сет оглядел мокрую улицу из конца в конец. Ребенок в длинной парке будто испарился.

«Зеленый человечек» был последним домом Викторианской эпохи, уцелевшим на углу запущенной улицы. Теперь красоту его кирпичной кладки и наружных контрфорсов портили кучи мусора на тротуаре. Снаружи, сквозь мутные окна паба, пережившие бомбежки Второй мировой и, по-видимому, с тех пор не мытые, было трудно рассмотреть что-либо, кроме рекламных плакатов, прилепленных к стеклам изнутри. Была здесь даже реклама «Гиннеса», которую Сет помнил с детства. Теперь нарисованный стакан с пивом выцвел до зеленовато-лимонного оттенка обсосанной лакричной конфеты. Афиши,

засылавшие на грядущие мероприятия, вроде «Вечеров викторины» и «Небесного футбола на большом телеэкране», были яркими и красочными только в тех местах, где стекла промыло дождем.

Сет прожил здесь достаточно, чтобы начать разбираться в посетителях и порядках «Зеленого человечка». Некоторые завсегдатаи принадлежали к биржевым спекулянтам на пенсии. Эти по-прежнему занимались делами, прямо в баре, и их мощный ист-эндский акцент невольно наталкивал на мысль, что он притворный. Захаживали сюда и те, кто, как Сет, перебивался случайными заработками. Подобные клиенты с утра до ночи пропивали последние деньги или просаживали их в игровых автоматах. Прочая разношерстная публика терялась в сумраке, словно часовые, которых забыли сменить с поста. Последних представителей субкультуры Сету было не с кем сравнить: до сих пор он не сталкивался с персонажами, являвшими собой новые образчики личности, деградировавшей в результате какой-то трагедии, душевной болезни или пьянства. Сколько еще протянет он сам, прежде чем впадет в такое же состояние? По временам Сету казалось, что он уже там.

Сет чувствовал усталость оттого, что проснулся поздним утром, проспав всего несколько часов. Он встряхнулся, прогоняя воспоминание о пристально глядевшем мальчишке, и шагнул к двери паба. Пора платить за жилье: каждую неделю он заносит в паб семьдесят фунтов. Перешагнув через собачью кучку, Сет вошел внутрь.

Перед глазами замелькало, как будто он балансировал на чьих-то плечах. Сет бегло оглядел бар: желтые глаза со всех сторон, следы пены на высоких бокалах, пачки сигарет «Ламберт и Батлер», злобная лисья морда за стеклом, батарея бутылок из-под шампанского в настоящей паутине, маленькая всклокоченная собачка перед мешком с объедками, форменная футболка «Арсенала» и одна-единственная некогда хорошенькая женщина с взглядом все еще притягательным, но оценивающим. Несколько голов повернулись к Сету, когда тот вошел, но тут же дернулись обратно.

Сет кивнул стоявшему сегодня за прилавком Куину. Голова у того была такая, словно ее вытесали топором. По безволосому белому черепу до розового лба тянулся блестящий шрам. Куин сдержанно кивнул в ответ и облокотился на стойку, принимая у Сета деньги.

– Там сейчас был ребенок, – произнес Сет.

Куин наморщился, и очки поползли вверх по переносице.

– А?

Музыка играла громко, а на другой стороне барной стойки, построенной квадратом, орал мужик со щеками багровыми, словно сырая говядина.

– Там, на улице, был ребенок. Смотрел на паб. Ты его видел?

– Чего?

– Мальчик. На улице. Смотрел прямо на окна паба. Может, ты заметил?

Куин поглядел на Сета так, словно эти слова подтверждали его давнишние подозрения. «А у парня-то с головой не все в порядке. Еще бы, все время один да один. Девчонки у него нет. В гости к нему никто не заходит».

Пожав плечами, Куин отвернулся, чтобы положить деньги в кассу.

Чувствуя себя полным идиотом, Сет уже собирался двинуться к выходу, но кто-то преградил ему дорогу.

– Привет, сынок.

Это был Арчи. Арчи из Данди[2 - Данди – город в Шотландии, административный центр, расположенный на заливе Ферт-оф-Тей.], хотя он уже больше двадцати лет не навещал оставшихся там жену и детей. Он жил при пабе, убирая комнаты наверху и занимаясь мелким ремонтом. Смешно, ведь именно Арчи производил львиную долю всяческого мусора и поломок.

Маленький и по-стариковски костлявый, Арчи скорее шаркал, чем ходил. Однако он до сих пор мог похвастать невероятной копной седых волос, остриженных под саксонский шлем. Бугристое лицо, обрамленное бакенбардами, казалось, принадлежало доброму дедушке. И еще Арчи постоянно называл Сета «сынок», но только потому, что не мог запомнить его имя.

– У тебя есть табачок? – спросил Арчи.

Сет кивнул. Он протянул старику смятую пачку «Олд Холборн» с горсткой табака на самом дне.

Арчи заулыбался:

– Да ты настоящий друг, сынок.

Из нижней челюсти старика торчал одинокий зуб, резец, на который Сет вечно тарасился. Точно так же, как и на очки с толстыми линзами, приклеенными к пластмассовой оправе липкой лентой.

– У меня весь вышел. Деньгу получу только во вторник, – сообщил Арчи, улыбаясь собственным башмакам.

– Слушай, Арчи. Ты не видел мальчишку, который болтается возле бара? Он еще носит куртку с капюшоном.

Но, получив табак, Арчи утратил интерес к разговору. К тому же он был пьян и ему требовалось сосредоточиться, чтобы свернуть самокрутку. Сет вышел из паба и вернулся на крыльцо, затем сунул ключ в замочную скважину и побрел по темной лестнице к номерам над баром.

Плнтус первого лестничного марша выкрашен в цвет свежей крови. Стены оклеены белыми обоями с гроздьями винограда, пожелтевшими и отслоившимися на стыках. Кое-где большие куски оторваны и виднеется штукатурка.

Оказавшись на темной площадке первого этажа, Сет сориентировался по свету, падавшему из дверного проема общей кухни. Он ощутил запах мокрых, залитых пивом полотенец в стиральной машине. Кто-то недавно жарил на старой газовой плите бекон, и на ней остался застывший жир. Его запах смешивался теперь с вонью гниющего мусора – значит, Арчи до сих пор не вынес мешки. В них обитают мыши, но крыс пока что нет.

Напротив кухни располагалась ванная комната. В верхнюю половину двери было вставлено матовое стекло, впрочем, слишком прозрачное, чтобы гарантировать уединенность. Сет включил свет и заглянул внутрь узнать, починили ли душ над ванной. Еще нет.

– Вот дерьмо! – выругался он, удивляясь, что до сих пор ждет, когда ремонт сдвинется с мертвой точки.

Тридцать один год, два искусствоведческих диплома, а он вынужден мыться над раковиной.

Сет преодолел второй лестничный пролет, ведущий к его комнате. Перила были покрашены в тот же цвет убийства, что и плинтусы во всем здании, зато цвет и узор ковра успел трижды смениться, пока Сет забирался на второй этаж. В соседних комнатах жили еще два человека, с которыми он никогда не разговаривал. Поднявшись, Сет оказался в крошечной темноте.

Он ударился коленом обо что-то острое.

– Черт!

Сет взмахнул руками и принялся шлепать ладонью по стене, нащаривая выключатель с разбитой пластмассовой клавишей, которую когда-то хорошо приложил чей-то кулак. Все светильники были снабжены таймером. Вскоре под потолком загорелись лампочки без абажуров.

Коридор, в который выходило три двери, все красного цвета, казался еще угрюмее и теснее из-за старой мебели, прижатой к стенам. Крайне опасно в случае пожара. Спеша добраться до комнаты, пока не погасли лампы, Сет пробирался между изломанными костями старой софы. Когда он достиг двери, коридор снова погрузился в темноту. Сет шлепнул по ближайшему выключателю и выиграл еще пять секунд света, пока возился с ключами. Едва он перешагнул порог комнаты, тьма снова поглотила пространство за спиной.

Когда год назад Сет в первый раз оказался в «Зеленом человечке», комнату ему показывал Арчи. И постарался сейчас же смыться, поскольку готовить жилище к

прибытию нового постояльца входило в его обязанности. Ни на одном окне не было москитной сетки, и только на левом болтались матерчатые занавески цвета выкройки из дамского журнала, не одно десятилетие провалявшегося в приемной у врача. Подвижную створку правого окна намертво перекосило в раме.

- Ну и ну, - протянул Сет от ужаса и недоверия.

Однако Арчи только моргнул в ответ.

У стены напротив окон стояла двуспальная кровать, матрас на которой отличался полосками в духе Освенцима и пятнами, словно оставшимися после группового изнасилования. Из мебели в комнате имелось два кое-как собранных гардероба и маленький комод у постели. До сих пор хранивший следы от чашки и испачканный косметикой, он создавал в комнате несколько успокаивающую иллюзию женского присутствия.

Рядом с прикроватной тумбочкой торчала одинокая батарея, выкрашенная желтой краской и испещренная темными каплями. Засохшая кровь. Сет так и не смог оттереть ее и как-то спросил у Арчи, кто жил в номере до него. В ответ Арчи поднял брови и произнес:

- Девушка. Симпатичная девчушка. Никак не могла поладить со своим парнем. Каждую ночь они цапались. А до нее жил по-настоящему странный тип. Тихий, вроде тебя. Но когда явилась полиция, его застукали вместе с падчерицей. И с ее подружкой.

В комнате пахло старым ковром, который долгие годы продержали в гараже. Но здесь, по крайней мере, было сухо.

Сет даже не пытался привести жилье в порядок, он просто перевез свои вещи и смел с ковра какие-то осколки. Комната пребывала в таком плачевном состоянии, что любые попытки что-либо исправить казались тщетными. И теперь из-за стопок старых журналов и воскресных газет помещение казалось захлавленным и в то же время необитаемым. Безрассудство привело его сюда, отчаяние вынудило остаться.

Сет помнил, как, заночевав здесь в первый раз, исходил жалостью к себе, ощущением полной заброшенности и страхом, что все эти чувства задушат его, если он позволит им разрастись. Однако он не мог надеяться на другое жилье, приехав в Лондон с двумя десятками никому не нужных картин, подписанных его именем. И Сет убедил себя, что из этой комнаты с двумя выходящими на южную сторону окнами получится отличная студия. Как у старых мастеров.

Сет затворил за собой дверь и запер ее. Другие постояльцы часто напивались, падали в темном коридоре, и Сет ощущал себя в безопасности, только когда дверь была закрыта на ключ. Он бросил рюкзак на кровать и включил чайник, затем выключил. Открыл холодильник, вспомнив, что еще осталась банка пива из упаковки, купленной позавчера.

Опустившись на край постели, Сет окинул взглядом груды картонных коробок в углу. Все его художественные принадлежности пылились в них. Картины, упакованные в пластиковые пакеты, стояли в гардеробе. За последние полгода он не сделал ни единого наброска, и сам не знал, то ли с живописью наконец-то покончено навсегда, то ли однажды он все-таки к ней вернется.

Сет пил из банки, не утрудив себя поисками стакана. Он собирался съесть сэндвич, однако так устал, что, сев, уже не хотел подниматься. Как был, в уличной одежде, он прилег на застеленную покрывалом кровать, потягивая холодное пиво. Пора выбираться отсюда. Он начнет прямо завтра. Решится на следующий шаг.

Сет поглядел на часы: четыре. В половину шестого идти на работу. Решив, что полегчает, если он немного поспит, Сет поставил банку на пол, повернулся на бок и закрыл воспаленные глаза. Ему приснилось, будто он заточен в некоем месте, которое не являлось ему лет с одиннадцати.

Вход в комнату преграждала железная решетка, выкрашенная густой черной краской. Вместо окон – две арки по обе стороны от нее, так же забранные вертикальными прутьями. Другого входа не было.

Задняя стена, две боковые и потолок, венчавший прямоугольное помещение, были сложены из гладкого белого камня. Полированные мраморные плиты

леденили босые ноги Сета. Оказываясь здесь, он постоянно переступал на месте – ему казалось, что подошвы посинели от холода и больше никогда не согреются.

В комнате площадью каких-нибудь пятнадцать квадратных футов не было ни украшений, ни мебели. От стужи у Сета ломило спину, однако пол был слишком студеным, чтобы садиться на него голым задом.

С потолка свешивался плафон на медной цепи. Лампочка помещалась внутри стеклянного куба, похожего на древние фонари, какие крепились на наружные стенки карет. От нее день и ночь лился яркий желтый свет. Сет никак не мог удержаться от соблазна согреть в его лучах пальцы, но каждый раз, когда он протягивал руки и касался стекла, оно оказывалось холодным.

Сквозь железные прутья Сет видел лиственный лес: мокрый, густой, буйно разросшийся. Кроны деревьев были темно-зелеными, небо, нависавшее над высокими макушками, – низким и серым. Три широкие ступени вели из его тюрьмы вниз, в высокую траву, огибавшую по широкой дуге строения и раскинувшуюся до самого леса. Через решетку задувал ледяной ветер.

Мир Сета сводился всего к нескольким краскам.

Он находился в этом месте, потому что позволил привести себя сюда и запереть. Больше он ничего не знал. Хотя в нем жило еще размытое воспоминание о том, как когда-то давно его навещали родители. Папа и мама пришли вместе. Отец, кажется, был в нем разочарован, мать переживала, однако пыталась это скрыть. Один раз Сета навестила сестра с мужем. Они стояли у нижней ступени лестницы, и зять все время шутил, пытаясь его развеселить. Сет растягивал губы в улыбку, пока не заболело лицо. Сестра почти все время молчала. Кажется, она боялась Сета, словно больше не узнавала в нем брата.

Он уверял, что у него все хорошо, однако был не в силах описать, что чувствует на самом деле, заточенный в этой странной каменной комнате. Не мог объяснить это даже себе самому. Когда родные исчезли из виду, он ощутил комок в горле.

Ничего не понимая, почти ничего не помня, Сет не знал, как долго находится в помещении и, главное, по какой причине он заперт, однако он точно знал, что останется здесь навсегда – вечно мерзнущим, вечно голодным, встревоженным и

переступающим с ноги на ногу из-за невозможности присесть.

Глава третья

Она будто ступила на борт роскошного пассажирского лайнера, «Титаника» или «Лузитании». Внутри Баррингтон-хаус напоминал съемочную площадку тридцатых годов, подготовленную для фильма о морском путешествии и заснятую в сепии на медную пластину.

Эйприл словно в тумане шла через холл за рослым старшим портье, Стивеном, в восточное крыло здания. Стены коридоров были обтянуты шелковыми обоями и залиты золотистым светом ламп под абажурами из узорчатого стекла, и повсюду веяло особым запахом традиций. Не как в церкви, но близко к тому: полироль для дерева и металла, живые цветы и ароматы ценных, старательно хранимых вещей, которые нечасто проветривают. Похоже на старинный частный музей, куда не пускают обычную публику.

Стивен, шагая впереди, показывал дорогу и рассказывал:

– Здесь у нас сорок квартир в двух корпусах, между ними расположен сад для жильцов, благодаря которому солнечный свет попадает во все комнаты. Сначала устройство здания кажется непонятным, однако если вы представите большую латинскую букву «эл» с дорожками по внешнему контуру, то скоро научитесь определять свое местоположение. Под домом имеется гараж на двадцать автомобилей, но, боюсь, у вашей тети не было парковочного места.

– Ничего страшного, у меня все равно нет машины. Да и в метро я раньше не ездила, мне нравится.

Старший портье улыбнулся:

– Метро может надоест, мэм.

– Эйприл. Зовите меня Эйприл. А то кажется, будто мне уже лет двести.

– Кстати, вы запросто доживете до весьма преклонного возраста. Ваша тетя умерла в восемьдесят четыре.

– Двоюродная бабушка. Лилиан приходилась сестрой моей бабушке.

– Тем не менее возраст почтенный. – Портье помолчал и обернулся через плечо. – Я по-настоящему скорблю о вашей потере... Эйприл.

– Благодарю вас. Но только я ни разу ее не видела. Хотя все равно грустно. Лилиан была последним представителем старшего поколения нашей семьи. Мы даже не подозревали, что она до сих пор живет... И что живет вот так, в подобном месте. Я хочу сказать, здесь все такое красивое. Мы не слишком состоятельны и не потянем даже плату за обслуживание – примерно столько я зарабатываю за год. Так что я недолго здесь пробуду.

Скорее всего, когда они продадут квартиру, ни ей, ни матери не придется работать довольно долго, если придется вообще когда-нибудь. Они станут богатыми. Само это слово казалось неуместным, даже нелепым, по отношению к ним. Однако больше на наследство никто не претендовал; Лилиан умерла бездетной, а мать, как и сама Эйприл, была единственным ребенком в семье. Род угасает. И если она в свои двадцать восемь что-то не предпримет, семейство Бекфордов исчезнет с лица земли вместе с ней, последней старой девой.

– Здесь как в сказке! Мама с ума сойдет, когда я расскажу ей о доме. О том, что здесь есть портье и все такое. К подобной роскоши можно и привыкнуть!

Стивен кивнул, улыбаясь вежливо, но натянуто. Он казался усталым и в то же время чем-то обеспокоенным, но явно не татуировками, которые выглядывали у Эйприл из-под рукавов рубашки. Отражаясь в зеркале лифта, эти картинки напоминали комиксы.

– Значит, вы не были знакомы с вашей тетей? – осторожно поинтересовался портье, как будто решая, стоит ли о чем-то ей рассказать.

– Нет. Мама еще немного помнит ее, но плохо. К тому же Лилиан никогда не была особенно близка с бабушкой Мэрилин. Во время войны их пути разошлись. В детстве я не понимала всего этого. Если бы у меня была сестра, я бы ее любила. Мы думали, что Лилиан давным-давно умерла. Мать окружали вечные

заботы: она воспитывала меня одна, ей было не до родственников. А я была совсем крошкой.

Эйприл понимала, что говорит несвязно, но из-за волнения не придавала этому значения.

Стивен закусил нижнюю губу, затем вздохнул:

– Боюсь, ваша тетя была не вполне в себе, Эйприл. Она была милой женщиной. Очень доброй. И я говорю это не из вежливости, мы все здесь ее любили. Но она была очень стара, и ее умственное здоровье пошатнулось давным-давно. Я служу в доме уже десять лет, мой предшественник проработал столько же, и он говорил, что в его памяти Лилиан осталась точно такой же. Несколько лет назад мы организовали для нее доставку продуктов на дом, посыльный приходил каждую неделю. Обычно управляющий сам обналичивал ее чеки, чтобы платить вместо нее по счетам.

– Я ничего не знала. Наверное, мы с мамой вам отвратительны.

– Я вовсе не собираюсь вас осуждать. В этой части города подобное случается сплошь и рядом. Люди отчуждаются от своих родственников, обрывают все связи. Причиной тому деньги. Однако здоровье Лилиан продолжало ухудшаться. В последние годы стало особенно плохо. По большому счету, ей не следовало бы оставаться в Баррингтон-хаус. Однако здесь был ее дом, и все мы – портье и обслуживающий персонал – делали все возможное, чтобы она осталась.

– Как великодушно с вашей стороны.

– О, на самом деле это не составляло труда. Мы всего лишь приносили ей хлеб и молоко, ходили для нее по магазинам. В общем, старались помочь, чем могли. Только мы все время переживали, как бы она не упала или... – Он сделал паузу и откашлялся. – Не потерялась.

– У нее не было друзей?

– Лично я не замечал. Все время, что я работаю здесь, к ней никто не приходил. Видите ли... – Стивен снова замолк и потер рот. – Она была весьма

эксцентричная. Это если говорить вежливо, а я не хочу выказать неуважения.

Портье явно смутился, даже голос понизил. Он имел в виду «сумасшедшая».

Эйприл хотелось узнать как можно больше о двоюродной бабушке, оставившей им с матерью целое состояние в виде лондонской недвижимости. Когда они продадут квартиру, Эйприл как-нибудь вознаградит людей, облегчавших престарелой леди последние годы жизни. Мать не станет возражать. Ей тоже будет совестно – точно так же, как сейчас было Эйприл. Хотя они ни в чем не виноваты. С их стороны невнимание не было сознательным пренебрежением. Лилиан, приходившаяся им дальней родственницей, жила на другой стороне земного шара.

– А вы помните ее мужа, Реджинальда? – спросила Эйприл. – Если не ошибаюсь, в войну он служил летчиком.

Стивен отвернулся, его голубые глаза бегали по сторонам; он смотрел куда-то вверх головы Эйприл, будто проверяя, в порядке ли лампы в лифте. Они горели тускло, отбрасывая мутные тени на панели красного дерева и латунную отделку.

– Нет... Он умер раньше, чем я поступил сюда на работу. Однако могу предположить, что его кончина очень сильно повлияла на Лилиан.

– Почему вы так думаете?

В этот момент лифт с сопеньем остановился, раздался металлический щелчок. Дверцы плавно отворились, и Стивен поспешил выйти.

Эйприл последовала за ним на лестничную площадку. Пол был застелен темно-зеленым ковром, стены отделаны в тех же сдержанных тонах, что и коридоры внизу. Напротив лифта располагалась батарея парового отопления, скрытая узорчатой решеткой, которая напоминала могильную ограду времен королевы Виктории. Над радиатором поблескивало широкое зеркало в золоченой раме, а по обе стороны от лифта вверх и вниз уходили лестничные пролеты. На стенах над ступенями Эйприл заметила гравюры в изящных рамочках. На площадку, расположенные друг напротив друга, выходили две деревянные двери с латунными номерами.

– Вот мы и приехали. Тридцать девятая квартира, на самом верху. К сожалению, батареи здесь греют слабо, поэтому я поставил переносные радиаторы в спальню и кухню Лилиан – единственные, насколько я понимаю, комнаты, которыми она пользовалась. Обогреватели мне скоро придется забрать.

– Конечно.

Эйприл разглядывала аккуратно подстриженный седой затылок Стивена, пока он громыхал связкой ключей, выуживая нужный. Она заметила, какие у портье мускулистые плечи под блестящим серым жилетом. Он явно бывший военный – наверное, именно такие служащие нравятся обитателям дома. Должно быть, ее двоюродная бабушка чувствовала себя в безопасности, когда рядом был Стивен.

– Боюсь, в квартире беспорядок. Лилиан не хотела, чтобы приходила горничная, и никому не позволяла ничего трогать. Не знаю, выбрасывала ли она что-нибудь за последние шестьдесят лет. Как бы там ни было, вот ключи. Внизу, в сейфе, хранится запасной комплект, это обычная практика на какой-либо непредвиденный случай. Теперь мне пора идти. Сегодня рабочие должны осматривать спутниковые тарелки на крыше. Если вам что-нибудь потребуется, звоните на стойку портье. До половины седьмого дежурит Петр, потом его сменит Сет, ночной портье. Я же нахожусь в доме почти круглосуточно, без выходных. Связаться со стойкой можно по телефону в кухне. Просто поднимите трубку, и телефон сам соединит вас.

Стивен посмотрел Эйприл в глаза. Наверное, он догадался, что ей не хочется оставаться в квартире одной.

– Боюсь, Эйприл, работы у вас здесь будет невпроворот. Полагаю, уборку не делали несколько лет, и это единственная квартира в доме, где сохранилась неперестроенная ванная комната. Если решите продавать квартиру, с ней хлопот не оберетесь. Возможно, придется полностью ее переделать, чтобы назначить достойную цену.

Стивен оставил Эйприл перед открытой дверью и зашагал вниз по лестнице.

Вероятно, в квартире были задернуты шторы, потому что, хотя Стивен и зажег свет в прихожей, разглядеть что-либо с площадки, кроме запущенного, захламленного коридора, не представлялось возможным. От одной мысли, что

предстоит войти внутрь, Эйприл почувствовала себя беззащитной и виноватой, как будто явилась сюда незаконно.

Тлен десятилетий не желал оставаться в квартире. Уже с лестницы тянуло дряхлостью. Словно из гардероба бабушки в Джерси, который с сороковых годов не претерпел ни малейших изменений. Однако здешний запах ощущался в тысячу раз сильнее. Как будто окна никогда не открывали, и все в квартире было древним, выцветшим и пропыленным. Прошлое жило здесь и не собиралось уходить. Как и во всем доме, честно призналась себе Эйприл, когда утих восторг первых впечатлений. Сумрачные лестницы и темные коридоры. Словно она вернулась назад во времени. Может быть, жильцам нравится такое? Привычная обстановка или что-нибудь в этом роде.

Эйприл заглянула в помещение и поймала себя на нелепом желании окликнуть бабушку по имени. Потому что, как ни странно, жилище не казалось необитаемым.

Старший портье нисколько не преувеличивал: Лилиан жила в собственном замкнутом мире. Прихожая задыхалась под грузом старых газет, журналов и пластиковых пакетов, поблескивавших раздутыми боками. Эйприл заглянула в один из них рядом с вешалкой для пальто. Он был набит рекламными проспектами, пестрыми лазутчиками современного мира, которым не было места здесь. Однако же их почему-то хранили, правда в заточении.

Ковер под подошвами похрустывал. При тусклом свете ламп, в чьих стеклянных абажурах покоились полчища мертвых бабочек, она разглядела, что ковер протерт до самой основы. Там, где некогда вился замысловатый узор в красных и зеленых тонах, теперь торчали нити цвета прессованной соломы. Вся середина была вытоптана.

Мебель в длинной прихожей явно принадлежала к разряду антикварной. Между кипами пожелтевших газет выглядывали темные сверкающие ножки из полированного дерева. Вышитые сиденья стульев были частично скрыты побелевшими от пыли телефонными справочниками. Резное дерево, перламутровые инкрустации и матовое стекло со сложными орнаментами торчали кое-где из-за мусорных мешков, явно униженные подобным соседством. Эйприл не особенно разбиралась в истории, но даже она знала, что такие

комоды, часы и стулья перестали выпускать еще в сороковые.

Стены были обиты кремовым шелком с вертикальными серебристыми полосками, теперь ткань пожелтела, а вдоль плинтусов и под деревянными панелями в тех местах, где пролилась и высохла вода, тянулись грязные коричневые пятна. На ощупь стены показались Эйприл ворсистыми, словно вытертый мех звериного чучела. И если бы не горы хлама и разводы на стенах, квартира выглядела бы весьма элегантно.

А может, и нет.

На кухне, где пол был устелен растрескавшимся желтым линолеумом, обнаружилось несколько допотопных электрических приборов. Темные шкафчики висели на стенах, некогда чистых, но теперь сплошь испещренных пятнами. Конфорки на плите покрывал слой пыли, дно глубокой раковины совсем пересохло. Лишь по столу можно было заключить, что им когда-то пользовались. На доске сохранились зарубки от ножа, а в хлебнице – крошки. Под столешницу был задвинут одинокий стул, обтянутый тканью в шотландскую клетку.

Скучный быт двоюродной бабушки внезапно наполнил Эйприл грустью. Однако по-настоящему ее горло сжалось, когда на глаза попался серебряный заварочный чайник на подносике с изображениями птиц Британских островов, рядом с которым притулился пакетик лимонного печенья. Эйприл показалось, что она сейчас расплачется.

Тут же помещались одинокая фарфоровая чашка, ситечко, сахарница и жестяная чайная коробочка. Золотая каемка на чашке наполовину стерлась – наверное, последний предмет из сервиза. Может быть, свадебный подарок, преподнесенный им с Реджинальдом. Эйприл коснулась ручки, но так и не заставила себя взять хрупкую вещицу. Это чашка Лилиан, она пила из нее. В полном одиночестве, здесь, на кухне, у маленького стола, рядом с пластмассовым мусорным ведром с откидной крышкой, в окружении вещей, скопившихся едва ли не за целое столетие. Эйприл шмыгнула носом. Понятно, почему богачи, состарившись, отправляются в пенсионные деревни во Флориде и разъезжают по полям на гольф-мобилях в рубашках поло. Какой смысл быть не как все, если кончишь вот так?

Эйприл утерла глаза.

- Ты ведь могла переехать и жить с нами.

В стенных шкафах Эйприл обнаружила горы посуды: три фарфоровых обеденных сервиза, неполных и расставленных как попало. Тут же оказались старые сковородки и кастрюли. Не похоже было, что в последние годы ими пользовались, кроме одной, со следами пригоревшего молока. И если не считать трех консервных банок с супом и нескольких пакетов сдобного печенья, никакой еды в кухне не было. В холодильнике Эйприл нашла пластмассовую бутылку со скисшим молоком. Двоюродная бабушка жила на чае с печеньем да консервированном супе и дотянула при этом до восьмидесяти четырех.

Стивен ни слова не сказал о кончине Лилиан. Интересно, как она умерла? В квартире?

Эйприл сбросила с плеч рюкзак и прислонила его к кухонному столу. Она никак не могла избавиться от ощущения, будто незаконно вторглась в чужой дом. Ее уже пугала мысль о том, что придется провести здесь ночь. Найдутся ли в квартире чистые простыни? А если бабушка умерла в постели? Эйприл вдруг захотелось вызвать Стивена и не отпускать, пока он не расскажет все, что знает.

Усилием воли Эйприл заставила себя успокоиться. Она устала, вымоталась, нервы натянуты – конечно, ведь она не ожидала столкнуться со всем этим. Просто надо помнить, что ей выпал счастливый жребий. Нечто совершенно новое, лежащее за пределами прежнего жизненного опыта.

Однако когда Эйприл открыла дверь в гостиную, решимость снова покинула ее. Она смогла продвинуться в комнату шага на два. Почему Стивен не рассказал о цветах? О целом снопе коричневых стеблей с осыпавшимися лепестками? Они занимали все пространство до подоконника широкого окна, выходявшего на Лаундес-сквер. Словно букеты на старых могилах, вялые, поблекшие. Увидев кучу иссохших веточек и листьев, выделяющуюся в мутном сумраке, Эйприл ощутила, как по спине к основанию черепа пробежали мурашки. Должно быть, цветы приносили сюда на протяжении долгих лет. Ворох все рос и рос. Сплошь розы, судя по лепесткам, сохранившимся на вершине горы, темным, словно вино. Окно позади стога скрывали плотно задернутые серые шторы, затканые золотой нитью.

Эйприл включила верхний свет, чтобы как следует рассмотреть цветы и фотографии на стенах, однако сумрак не рассеялся полностью, и она решила отдернуть занавески. Эйприл перегнулась через иссохший ворох и попыталась раздвинуть полотнища, но... Она отпрянула от окна, с изумлением глядя на аккуратные красные стежки.

- Что за черт?

Одинокая сумасшедшая Лилиан накрепко сшила шторы красной ниткой, после чего навалила под окном цветочный курган, занявший полкомнаты. Эйприл обернулась, окидывая гостиную взглядом: мебели нет, пол покрыт толстым слоем пыли, однако верхняя часть стен и потолок очищены от паутины, поэтому фотографии прекрасно видны. Все стены были увешаны черно-белыми карточками в старинных рамках. Нижние висели примерно в метре от пола, ряды поднимались до самого потолка. И на всех снимках была запечатлена одна и та же пара. На всех до единой.

Красавец с тонкими усиками, как у Дугласа Фэрбенкса-младшего,[3 - Дуглас Фэрбенкс-младший - актер, сын Дугласа Фэрбенкса, знаменитого голливудского актера эпохи немого кино.] с напомаженными волосами и ровным пробором. Эйприл первый раз в жизни видела мужа своей двоюродной бабушки.

У него были умные темные глаза и заразительная улыбка. От одного взгляда на фотографию Эйприл невольно заулыбалась. Реджинальд почти на всех изображениях был в костюме и при галстук или в серых брюках и белой рубашке, расстегнутой у ворота. На одном снимке он сидел в плетеном кресле, а у его ног лежал маленький терьер. В мускулистой руке он частенько сжимал трубку. Рядом, совсем близко, неизменно стояла с гордым видом Лилиан; иногда она держалась за локоть мужа или же выступала из-за спины Реджинальда, положив кисть ему на плечо. Она будто не могла от него оторваться. Казалось, она любила его так, что сходила с ума, стоило ему на минуту отлучиться.

Лилиан и сама была красавицей. С большими карими глазами и высокими скулами, которые так редко встречаются в наши дни, она походила на кинозвезду сороковых. Всегда элегантно одетая, будь то костюм для вечернего чая, короткое коктейльное платье или бальный наряд, ниспадающий до носков сверкающих туфель. Но больше всего Эйприл поразило то, как супруги смотрели друг на друга. Такой взгляд нельзя симитировать. Теперь это печальное, темное, пропыленное пространство, в котором Лилиан жила, бродила

и мечтала, вдруг сделалось более понятным. Когда-то здесь обитали двое, их никак нельзя было разлучать. И квартира пребывала в трауре, потому что сердце вдовы разбилось. Наверное, она сошла с ума от горя, которое так и не утихло. Неужели и в наше время вот так же разбиваются сердца?

Эйприл знала: Реджинальд умер в конце сороковых. Прослужив всю войну в Королевских военно-воздушных силах Великобритании, преодолев сотни невообразимых опасностей, этот счастливый красивый мужчина, у которого была прелестная молодая жена, внезапно скончался. Подробности она не знала, но бабушка рассказывала матери, что это случилось после войны. Вот все, что они знали. Коротенькое устное сообщение, переданное одной одинокой женщиной другой, дошло до Эйприл.

Зато теперь фрагменты прошлого Лилиан окружают ее со всех сторон, ими набиты коробки в прихожей, и их наверняка найдется еще немало в оставшихся трех спальнях и столовой. Кстати, кажется, Стивен что-то упоминал о чулане в подвале здания?

Эйприл планировала недели за две избавиться от пожитков Лилиан и быстро продать квартиру. Но теперь она передумала. Ей хотелось задержаться здесь и разузнать все о двоюродной бабушке и ее муже. Ей хотелось изучить, вникнуть, собрать и сохранить в памяти. Это вовсе не старый хлам. Все это что-то значило для Лилиан. Все без исключения.

У бабушки должны остаться письма. Может быть, дневник. Предстоят раскопки не хуже археологических между визитами к нотариусам и возней с документами. Если работать быстро, возможно, еще и Лондон удастся посмотреть. Однако важнее всего Лилиан. И если придется обналчить остатки своих сбережений и бросить работу, что ж, так тому и быть. Она узнает о бабушке все, что только возможно.

Глава четвертая

Переодевшись в униформу, с чашкой чая в руке Сет вышел из комнаты для персонала в надежде, что Петр уже спустился в гараж под домом, где стояла его ржавая развалюха. Однако тот еще только натягивал поперх пропотевшей

полиэстеровой рубашки красный анорак, дожидаясь Сета.

Ухмыльнувшись, дневной портье взял вахтенный журнал.

– А Сет снова видел призрака! Мы ухохотались над твоим отчетом. Может, Сет по ночам хлещет виски, вот ему и мерещится всякое? – Петр закатил глаза и опрокинул в горло воображаемый стакан.

– Я не писал, будто что-то там видел. Я сообщил о беспорядке, о шуме. Кто-то был в шестнадцатой квартире, оттуда доносились голоса.

Но Петр пропустил его слова мимо ушей.

– По ночам ты должен полировать ручки. Я говорил Стивену, но он меня не слушает. Если бы ты занимался работой, у тебя бы не оставалось времени на привидения.

Шуршащий анорак и ухмыляющаяся физиономия исчезли за дверью.

Сет больше не станет записывать, что бы ни случилось. К черту! Он свое дело сделал – если произойдет кража, он предупреждал.

Портье рухнул в кресло и снова задумался о сне, который видел днем. Сон оставил по себе какое-то ностальгическое чувство и смущение. В детстве ему частенько снились кошмары, в которых он оказывался в той каменной комнате. Он пытался кричать, но голос странным образом пропадал, и его против воли заталкивали в помещение. Кошмары начали мучить его примерно в то время, когда из семьи ушел отец. Раз за разом Сет все больше привыкал к странной комнате. На самом деле это был склеп, который он видел наяву в заброшенной части кладбища, где покоился его дед. Цветы здесь лежали сплошь увядшие, а имена почивших стерлись с табличек и надгробий. Это место наводило страх. Сет никак не мог смириться с тем, что мама и папа тоже однажды умрут, покинут его и окажутся под какой-нибудь плитой. И что он сам умрет. Отец говорил ему, улыбаясь: «Еще не скоро, Сет». Но его все равно преследовал образ холодного мраморного склепа, запертого на замок, с решетками на окнах, через которые внутрь почти не проникает свет. Он представлял себя заточенным в нем. Мертвым. Он стоит по ту сторону решетки и плачет, зовя маму и папу, они не слышат его. Сет смотрит, как родители удаляются между надгробиями.

Обычно было отчетливо видно, как они садятся в белый «аллегро»[4 - Английский автомобиль марки «Остин». (Прим. ред.)] и уезжают. Он рыдал и бился в истерике.

Сет встряхнулся. Даже сейчас вспоминать об этом неприятно. А уж в детстве страх перед той комнатой так сдавливал грудь, что он едва мог дышать.

Надо бы позвонить маме. И отцу. И сестре. Сон вызвал в нем такое желание. Сет даже вспомнить не мог, когда в последний раз разговаривал с кем-нибудь из родных. Нет, пусть лучше все останется как есть.

Он вздохнул и поглядел на планшет с расписанием, чтобы хоть как-то отвлечься. Из сорока квартир в доме сейчас занято только двадцать. Все точно так же, как и четыре последние смены на прошлой неделе.

Пентхаусы либо принадлежали баснословным богачам, приезжавшим только по выходным, либо их в складчину снимали служащие крупных лондонских компаний. И хотя в некоторых квартирах обитали весьма беспокойные жильцы, Сета редко тревожили. Правда, он заметил, что напротив тридцать девятой, расположенной в восточном крыле, сделана приписка. Кто-то туда въехал. Хозяйка, старушка Лилиан, умерла. Пару месяцев назад, кажется, прямо в такси. Стивен рассказал ему об этом на следующий день после происшествия, но Сет ни разу не видел Лилиан во время ночных дежурств. Она никуда не выходила по вечерам. Теперь в списке жильцов появилась Эйприл Бекфорд. Сету стало интересно, какая она.

Допив чай, портье вышел в сад, разбитый во дворе между двумя корпусами здания. Он свернул, а затем закурил тонкую сигарету, слушая журчание фонтана. Воспоминания о сне померкли, и он даже обрадовался, что предстоит ночная работа. Обязанностей было немного: только совершить обход да вписать в журнал новых жильцов. Это не так угнетает, как пребывание в «Зеленом человечке», к тому же здесь гораздо приятнее. Как-то раз, еще до того, как устроился в Баррингтон-хаус, Сет даже видел фотографию дома в журнале «Хеллоу!», который писал об одном жившем здесь футболисте. Идеальная работа для художника, прямо как у мастеров прошлого, подумал он тогда, однако Сет перестал рисовать, стоило ему занять место за стойкой. Теперь он подозревал, что уселся в кожаное кресло портье для того, чтобы забыть и быть забытым, наиболее удобным способом выпасть из течения жизни. И осознание этого уже нисколько его не тревожило.

Окурок полетел в фонтан, и Сет вернулся в фойе. Он зевнул – очередная бессонная ночь. Подростки-арабы кружили по Лаундес-сквер на гоночных автомобилях. Сет поглядел на часы: еще десять часов до того момента, когда он сможет уйти и погрузиться в глубокий сон. Лучше всего в лишенную сновидений кому.

Когда Сет пролистывал программу телепередач в «Ивнинг стандарт», его внезапно прервал звонок внутреннего телефона. На медной панели загорелась красная лампочка сороковой квартиры.

– Какого лешего тебе нужно? – прошептал он себе под нос.

Это был мистер Глок, плейбой средних лет родом из Швейцарии, самый большой грубиян, какого когда-либо встречал Сет. Он поднял трубку, чтобы замолкла оглушительная трель.

– Сет на проводе.

– Такси до Хитроу! Немедленно! – Мистер Глок повесил трубку.

Он, как ни один другой обитатель дома, подтверждал давнее подозрение портье, что богачи – весьма гнусная братия. Когда Сет только поступил на службу, жильцы и их баснословные состояния вселяли в него смущение, как будто бы в свете их присутствия становились особенно заметны пятна на галстук, потертости на ботинках и дыры в его биографии. В обществе толстосумов Сет робел. Но через полгода, в течение которого он выносил за самовлюбленными зазнайками зловонный мусор и наблюдал бесчисленные сцены перед стойкой, слышал их нарочитый акцент и видел вульгарную мебель, его благоговение постепенно перешло в откровенную неприязнь. В нем не осталось уважения почти ни к кому из жильцов. В особенности к Глоку. Работа консьержем породила в Сете уверенность, что деньги любят худших.

Портье поднялся на лифте до четвертого этажа, где, как он знал, уже стоят чемоданы Глока. По дороге Сет вытирал лицо бумажным полотенцем. Из-за шершавой бумаги нежная кожа на лбу и щеках горела. В кинотеатре на него чихнул один азиат, и Сет опасался, что подхватил от чужеземца какую-нибудь тропическую болезнь. Он промокнул шею, чувствуя, как запершило в горле.

Затем он вспомнил тот жутко холодный ветер, которого наглотался, заглядывая в щель почтового ящика шестнадцатой квартиры, и поморщился. Ему показалось, что во рту до сих пор стоит привкус пыли.

Когда с Глоком и его чемоданами было покончено, Сет свернул сигарету, глядя, как такси отъезжает от тротуара и выруливает на площадь. Он сказал себе, что в эту смену больше не придется вылезать из кресла. Чувствовал он себя паршиво. Першение в горле перешло в острую боль. Рубашка под блейзером липла к спине.

Однако отдых за стойкой оказался весьма недолгим. Теперь услуги портье потребовались миссис Шейфер, престарелой жене американского биржевого брокера, покончившего с делами по причине болезни. Они проживали в двенадцатой квартире.

Стоя на крыльце перед парадной дверью, миссис Шейфер жала на звонок. Все нарастающий трезвон, несущийся из-под стойки, в полной мере отражал степень ее негодования. Супруга брокера показалась Сету еще более гротескной, чем обычно, – с волосами, собранными в неряшливый пучок при помощи шарфов, из-под которых выбивались отдельные пряди, падая на одутловатое лицо. Хеллоуиновская тыква в бандане. Сет содрогнулся от отвращения. Как дама позволяет себе появляться на людях в подобном виде? Да еще такая богатая дама?

Сет впустил ее в дом, нажав кнопку за конторкой. Миссис Шейфер ворвалась в фойе, топая толстыми ножищами, ее лоб бороздили суровые морщины.

– Почему это... – Последовала долгая пауза. – Там что-то не работает!

Миссис Шейфер указала на входную дверь. Сет поморщился. Хотя он не раз наблюдал ее истерики и был знаком с необузданным темпераментом миссис Шейфер, она каждый раз пугала его. Эта женщина безумна. Только старший портье, обладавший безукоризненными манерами и мягким голосом, способен ее утихомирить.

Она двинулась к стойке короткими неверными шажками.

– Не беспокойтесь! – выкрикнула она Сету.

Миссис Шейфер вскинула руку, сделавшись на миг похожей на динозавра, тучное тело подалось вперед, короткие, словно у зародыша, ручки хищно потянулись к Сету. Она считала, что портье должен кидаться к дверям и открывать их перед ней лично, как будто она особа королевской крови. Также существует традиция сопровождать мадам от лифта до дверей квартиры. Придумал все это Петр, вечно жаждущий чаевых, однако Сет отказывался принимать участие в подобном представлении. Сет с горечью думал о напрасно приобретенном образовании – четыре года в школе искусств, затем магистратура, – которое он растрчивает теперь на то, чтобы ублажать сумасшедшую богатую хамку, терроризирующую своего маленького жалкого мужа прямо на глазах обслуживающего персонала.

Мистер Шейфер редко выходил из дома. И в те исключительные моменты, когда все-таки это случалось, рядом с ним неизменно вышагивала его визгливая супруга. Сам он напоминал марионетку с иссохшими деревянными конечностями, безвольно болтающимися над землей, как будто большинство нитей были обрезаны. Жена в необъятных юбках волокла старика за собой, поминутно его браня, тогда как он прилагал все усилия, чтобы сохранить равновесие, делая один медленный шаг за другим. От обоих Шейферов разлило застарелым потом.

Сет, встав у своего кресла, проговорил:

– Добрый вечер. – Так тихо, что едва услышал сам себя.

Миссис Шейфер снова возбужденно взмахнула руками, и ее лицо начало багроветь.

– Вызовите Стивена! Сейчас же позвоните Стивену!

Она перестала вопить, только когда у нее за спиной открылись дверцы. На мгновение звук отвлек внимание женщины, после чего она втиснулась в лифт. Ее последняя тирада перешла в пронзительный визг, в котором Сет не разобрал ни слова. Он не собирался тревожить Стивена – к тому моменту, когда миссис Шейфер доберется до квартиры, она обо всем забудет.

В эту ночь Сету не было покоя. Кажется, все ослы, обитающие в доме, сговорились, чтобы заставить его потрудиться. К девяти часам вечера миссис Пзалис из двадцать второй квартиры успела трижды посетовать на плохой телевизионный сигнал. В точности как и миссис Бенедетти из пятой. Портье записал все жалобы в журнал, заметив, что работники компании, установившей спутниковую тарелку, уже два раза со времени его последней смены поднимались на крышу. В половину одиннадцатого миссис Сингх из девятнадцатой доложила о запахе дыма в западном корпусе, и не успел Сет выйти, чтобы проверить, как миссис Рот из восемнадцатой позвонила с той же претензией. Пожарная сигнализация молчит, однако все равно придется сходить и посмотреть.

Если Сингх и Рот чувствуют дым внутри дома, значит, что-то горит в шестнадцатой квартире – в той части здания, которую он собирался избегать во время всех трех положенных за дежурство обходов.

– Вот дерьмо!

Сет поднялся на девятый этаж. Едва выйдя из лифта и остановившись на площадке, он тоже почувствовал вонь: паленого мяса, горелых тряпок и чего-то, похожего на серу. Но дыма не обнаружилось, двери были холодные, а мусорные баки стояли пустые. Но миазмы в воздухе висели омерзительные – подобного рода смрад обычно надолго задерживается в помещении, где произошел пожар. Сильнее всего запах ощущался из-под двери восемнадцатой квартиры. Здесь жила старая миссис Рот.

Сет огляделся по сторонам и сейчас же вспомнил, за что не любит верхние этажи здания. Хотя, если честно, и все остальные тоже. Даже в самые светлые летние вечера, когда закатное солнце заливало площадки заодно с электрическими лампами, ему казалось, что здесь мрачно. Старое коричневое дерево, тусклая латунь и толстый зеленый ковер будто поглощали весь свет, в особенности на лестничных пролетах. Сет знал, что в старых домах встречаются вечно затененные углы. И хотя на лестницах и в коридорах обычно никого не было, дом переполняла кипучая энергия. В воздухе что-то роилось и покалывало, словно отголоски некой прошлой деятельности были заперты в доме и не находили выхода.

Сет спустился на восьмой этаж, тяжело дыша, с затуманенной от жара головой. Он решил, что быстро пройдет через площадку, не задерживаясь, пусть даже и

учует какой-то запах, услышит грохот и скрежет за дверью шестнадцатой квартиры. Но получилось по-другому.

Перепрыгивая через две ступеньки, Сет едва не сбил кого-то с ног. Сгорбленную фигуру в белом. Она стояла в нескольких шагах от двери шестнадцатой квартиры.

– О господи! – выдохнул он едва слышно и ощутил, как все волосы на голове встали дыбом.

Существо развернулось к нему. Какой-то миг Сет не мог вспомнить морщинистое лицо и всклокоченные жидкие седые волосы. Но затем его осенило. Испуг прошел, и Сета захлестнула волна облегчения. Это же миссис Рот! Но только в ночной рубаше, совершенно одна и явно не в себе.

– Он вернулся! – произнесла старуха, едва не плача.

Ее тоненькие, как палочки, руки и сведенные артритом пальцы дрожали. Из-под легкой шелковистой ткани ночной сорочки выпирали острые кости плеч и таза. Невероятно тощие ноги, перевитые венами, торчали из-под подола. Ступни со скрюченными пальцами были босы.

– Он вернулся за мной.

Миссис Рот было девяносто два. Сет невольно задался вопросом, как ей удалось спуститься на целый лестничный пролет. Миссис Рот почти все время проводила в постели и лишь дважды в неделю выходила куда-нибудь на ланч в сопровождении Айми, своей сиделки-филиппинки, и с помощью костылей.

Застыв на месте, Сет глядел на старуху. Он силился протолкнуть ком в горле, но глотать было слишком больно.

Миссис Рот указала скрюченной рукой на дверь шестнадцатой квартиры:

– Откройте дверь. Я хочу увидеть своими глазами.

Сет отрицательно покачал головой:

– Я не имею права, миссис Рот. Давайте я отведу вас в постель.

Разозленная, она шлепнула его искореженной костлявой клешней, в какую превратила ее руку болезнь.

– Не желаю я в постель!

Лунатизмом миссис Рот не страдала. И, несмотря на возраст, кажется, никогда не испытывала ни малейшей растерянности. На самом деле она в любой ситуации была неизменно грубой и неприятной особой. Хотя миссис Рот редко беспокоила Сета по ночам, о сценах, какие она закатывала дневным портье, ходили легенды. Даже старший консьерж боялся ее.

– Прошу вас, мэм. Вы не должны здесь оставаться.

Сет осознал свою ошибку, как только раскрыл рот.

Лицо старухи побагровело от ярости. Она развернулась к нему, нацелив Сету в лицо палец, согнутый, словно крюк, так что костяшка второго сустава оказалась у него прямо перед глазами.

– Да как вы смеете!

Обычно как следует начесанные и идеально уложенные жиденькие волосы теперь стояли дыбом. Несколько прядей свисали на уши, а сквозь те, что еще оставались на голове, виднелся бледный череп, усеянный печеночными пятнышками. Шея у старухи была цыплячья, и кожа над ключицами болталась, словно растянутая шкура. Она напоминала птицу. Птицу с длинным клювом и бешеными глазами, у которой из пупырчатого тельца торчит всего несколько перьев.

– Говорю вам, он вернулся! Я его слышала. Я слышала, как он хохочет!

Кто-нибудь другой на его месте, наверное, попытался бы подавить смех или нервную улыбку, столкнувшись с сумасшедшей девяностолетней старухой в ночной рубахе, но на ее решительном лице и в безумных ревматических глазах отражалось нечто такое, чего Сет испугался. К тому же он и сам кое-что

улавливал из-за закрытой двери.

Сет решился на отчаянный шаг. Он приблизился к миссис Рот, сочувственно качая головой.

– Я знаю. Я уже несколько раз слышал в квартире шум. Но кто там может быть?

– Что? Не валяйте дурака! Говорите громче!

Сет кивнул на дверь:

– Там, в квартире. По ночам. Я докладывал начальству – о шуме, о грохоте. В коридоре. Мебель опрокидывалась. И что-то еще.

Остренькое личико миссис Рот залила болезненная бледность. Мелкая дрожь в ее хрупких обезьяньих конечностях превратилась в настоящие конвульсии. Сет подумал, что она может упасть, и подошел еще ближе, чтобы поддержать ее под локоть.

Старуха вцепилась в него, ища опору, и опустила голову.

– Нет, – прошептала она и добавила, на этот раз уже себе самой: – Нет, но...

Она посмотрела на Сета, словно оправившийся от испуга ребенок.

– Отведите меня домой. Хочу к Айми. Позовите Айми. Где моя Айми? Хочу Айми!

Чувствуя себя крайне неловко, поскольку стал свидетелем ее слабости, Сет медленно подвел миссис Рот к лифту и нажал на кнопку вызова в полированной латунной пластине. Он вдруг понял, что его рубашка снова промокла насквозь.

Стонущие тросы, казалось, поднимали массивную, но элегантную кабину целую вечность. И все это время едва живой Сет пытался успокоить миссис Рот, толкуя ей об Айми и постели, пока старуха не рявкнула:

– Заткнитесь, просто заткнитесь, и все!

Она махнула рукой перед его лицом.

Когда Сет открыл наружные дверцы и завел миссис Рот внутрь кабины, женщина крепко зажмурила глаза. В этот момент она показалась еще более ветхой и сгорбленной, словно кто-то заставил ее вспомнить особенно болезненное переживание. Подкосившее ее, лишившее немногих остатков того духа, что еще жил в этом хрупком теле.

Дверь квартиры на девятом этаже так и осталась открытой, но Сет позвонил, чтобы поднять с постели Айми, которая проворно выскочила из маленькой комнаты в конце длинного коридора. Придерживая на груди голубой халат, словно оберегая свою невинность от портье, она выхватила у Сета миссис Рот и бросила на него возмущенный, сердитый взгляд, прежде чем захлопнуть дверь. Она не слушала тихих объяснений консьержа. Миссис Рот принялась плакать и шмыгать носом, как только увидела Айми.

– Сука, – бросил Сет закрытой двери.

Он съехал на лифте в комнату для персонала на цокольном этаже и там тяжело задумался. О ком говорила миссис Рот, стоя под дверью шестнадцатой квартиры?

Глава пятая

– Мама, она вообще ничего не выбрасывала. Всю свою жизнь. Я не шучу. Видела бы ты ее одежду. У нее в комнате сотни платьев, костюмов, пальто и всего-всего. Начиная с сороковых годов. И все это сохранилось. Прямо какой-то музей истории моды. Мы получили в наследство музей. Коллекцию Лилиан. И некоторые платья такие красивые!

Эйприл вышагивала взад-вперед по спальне двоюродной бабушки, прижимая к уху сотовый телефон. Она знала, что мать никогда не оценит того, что обнаружилось в лондонской квартире. Во всяком случае, пока сама не увидит. А она не увидит, потому что патологически боится перелетов. Эйприл же просто не в силах подобрать слова, чтобы описать свои находки и передать атмосферу

квартиры: увядшую роскошь, пронизывающее все вокруг ощущение потери; хаотическую линию обороны, которую пожилая женщина выстроила, защищаясь от внешнего мира; потревоженную сокровенную жизнь, все еще отчетливо различимую в пустых комнатах, с ее ритуалами и привычками, которые существовали долгое время, но теперь лишились смысла.

Два помещения, маленькие спальни в конце заваленного хламом коридора, были под завязку набиты мусором. В обеих комнатах Эйприл обнаружила по односпальной кровати под старинными пуховыми одеялами и толстым слоем пыли. Вокруг кроватей громоздились картонные коробки и старые чемоданы, набитые какими-то антикварными вещичками. Оставалось загадкой, что со всем этим делать. Чтобы провести полную ревизию, потребуются недели, даже месяцы.

Хотя бы пол в спальне Лилиан между двумя большими гардеробами и комодом не был захламлен. Здесь также имелась широкая кровать и красивое бюро с тремя запертыми ящиками, ключи от которых найти не удалось, – Эйприл подозревала, что именно здесь хранятся личные бумаги бабушки. А такого количества флаконов от духов, согнанных в целое стадо на крышке комода, она не видела никогда в жизни. Косметические компании давно уже не производят подобных флаконов, не делают для кремов и теней фарфоровых баночек, содержимое которых теперь окаменело и растрескалось, словно иссохшая почва неведомой планеты.

– Мама, я хочу забрать одежду с собой. Мне кажется, ее платья будут мне как раз. Разве это не здорово? Я примерила две шубы и три шляпки, они как будто на меня сшиты.

– Детка, где ты будешь все это хранить? В нашем-то домишке? Ты же знаешь, у нас нет места. И подумай о цене, милая. У нас просто нет денег на перевозку, да и ты теперь говоришь о том, чтобы бросить работу. Я за тебя беспокоюсь.

– Не стоит. Мама, скоро мы не будем считать копейки.

– Еще как будем, если ты продолжишь в том же духе. Надо мыслить реалистично, милая. Возможно, квартиру не удастся продать сразу.

– Я оплачу перевозку из своих сбережений. Вещи Лилиан, которые мне понравились, я сразу же отправлю морем, а ты пока сложишь все в подвале.

– Милая, это будет стоить целое состояние. Ты не сможешь привезти все сюда, тебе придется продать одежду в Англии.

– Нет. Я не буду торопиться. Я могу пожить здесь, пока квартира не будет продана, и спокойно все разобрать. Вот мебель придется продать. Я совершенно ничего не понимаю в антиквариате, поэтому надо будет вызвать оценщика, который определит истинную стоимость. Однако по-настоящему личные вещи я хочу оставить себе. Мама, они такие красивые. Это всего лишь одежда, фотографии и кое-какие безделушки.

– Ой, детка, я даже не знаю. Ты ведь собиралась уехать на пару недель, чтобы освободить и продать квартиру, и вот теперь рассуждаешь, словно полоумная.

– Мама, мама, это же наша история! Мы не можем просто выбросить все на помойку. Я имею в виду фотографии Лилиан и Реджинальда, они прямо надрывают сердце. Они оба были такие красивые. Как кинозвезды. Ты просто не поверишь своим глазам, когда их увидишь. Здесь, на этих стенах, висят портреты женщины из нашей семьи. Женщины с таким потрясающим вкусом и чувством стиля! Она уже стала моим кумиром. Ты ведь знаешь, как я отношусь к подобным вещам.

Однако голос матери звучал устало, не стоило так ее волновать. Мало того что единственная дочка уехала за море, так еще и собирается притащить в их стерильный домик в Нью-Джерси что-то неведомое и чуждое – есть от чего всерьез беспокоиться. Эйприл надо было выкладывать новости постепенно, однако она не могла сдержать воодушевления.

Дома, в Нью-Йорке, она сама занималась одеждой в стиле ретро, вдохновляясь как раз сороковыми – пятидесятыми годами, и продавала дизайнерские и винтажные наряды на Сент-Марк-плейс. И последние пять лет Эйприл едва сводила концы с концами, которые в итоге не сошлись, и она осталась без приличного послужного списка, без квартиры и без средств к существованию. Однако с нынешним уловом на интернет-аукционе eBay можно выручить тысячи. Тем не менее Эйприл не собирается продавать все – большую часть нарядов, вернувшись домой, она будет носить сама, ходить в них по каким-нибудь ретро-

клубам в центре или в Гринвич-Виллидж. Это ведь наследство, ее двоюродная бабушка в прежние времена носила эти платья.

Одежда была исключительного качества, Эйприл обнаружила шесть совершенно новых бальных нарядов из шелка и тафты, два десятка шерстяных и кашемировых костюмов, а в чехлах – еще штук сорок кремовых и черных платьев, подогнанных точно по фигуре, которые бабушка, наверное, носила в шестидесятые с одинокой ниткой жемчуга. Увидев же украшения, Эйприл громко ахнула от восторга: три шкатулки разноцветных брошей, ожерелий и серег, спутанных клубками.

Нашлось и старомодное белье, которое перестали выпускать в начале семидесятых, причем некоторые бабушкины пояса и корсеты были явно сделаны в сороковые. Эйприл давно мечтала обнаружить нечто подобное среди подержанной одежды, на гаражных ярмарках, и без усталости посещала распродажи закрывающихся фабрик и комиссионки в поисках ретро-аксессуаров для собственного гардероба или для своей лавки. В спальне же Лилиан хранилось столько одежды, что можно было начинать бизнес с нуля или устроить большой аукцион.

В верхнем ящике комода лежало не меньше тридцати нетронутых упаковок с настоящими нейлоновыми чулками «Минк» и «Коктейль Китти». Некоторые неношенные пары из самых старых до сих пор покоились, завернутые в шелковую бумагу, на дне плоских картонных коробочек, на крышках которых рельефно выделялись сведения о производителе.

Лилиан была не в силах избавиться ни от одной детали своего гардероба. Времена и стили менялись, а она словно застыла на одном месте, храня все, пока примерно в начале шестидесятых вовсе не перестала покупать новую одежду. У нее вообще не было ничего современного. Значит, она так и одевалась в старомодном классическом стиле вплоть до самой смерти. И если это так, то наследственность налицо: Эйприл тоже почти всегда одевалась в духе пятидесятых.

Лишь коллекция обуви Лилиан разочаровывала. Если не считать пары бархатных лодочек на кубинском каблуке и двух пар серебристых босоножек, она сносила все свои туфли. Каблуки стерлись до подметки, кожа растрескалась или пошла глубокими складками – это уже не восстановить. Создавалось впечатление, что двоюродная бабушка много ходила пешком, но крайне редко меняла обувь.

– Мама, послушай, все будет хорошо. Все отлично. Просто я действительно устала. Я на ногах с половины шестого. Все это так волнительно и печально, и не знаю, как еще сказать. У меня до сих пор не укладывается в голове, что Лилиан жила здесь. Найтсбридж – это как у нас Парк-авеню. С теми деньгами, которые лежат у нее на счетах, и продав квартиру, мы разбогатеем, мама! Слышишь? Мы будем богаты.

– Ну, мы не знаем этого наверняка. Ты же говоришь, в квартире нужен ремонт.

– Мама, это элитная недвижимость. Квартиру оторвут с руками. Даже в ее теперешнем состоянии. Это же пентхаус, мама.

Эйприл услышала трель дверного звонка – словно маленький молоточек, обезумев, забился внутри колокольчика.

– Мама, кто-то пришел. Мне надо бежать, да к тому же телефон садится.

– Садится? Ты что, разговариваешь со мной по сотовому? Это обойдется нам в целое состояние!

– Мама, люблю тебя. Убегаю. Позвоню, как только узнаю что-нибудь определенное.

Эйприл чмокнула трубку и выбежала из кухни к входной двери, чтобы впустить старшего портье.

– Кажется, я действительно хочу знать, какой она была. В особенности под конец жизни. Просто она оставила все это. Чтобы...

«...Я разгадала», – хотелось сказать Эйприл. Лилиан сделала все возможное, чтобы она не смогла махнуть на все рукой и продать вещи. Создавалось впечатление, будто покойная силой вовлекает ее в свой безумный мирок. Эйприл вздохнула, входя в кухню вместе со старшим портье.

– Обещаю, что не задержу вас надолго, я так вымоталась. Так устала, что грежу наяву. Наверное, сейчас не самый подходящий момент, чтобы задавать вопросы, однако... У меня от всего этого голова идет кругом.

Эйприл не могла скрыть волнение. Она закашлялась и отхлебнула глоток черного чаю – обычно она пила кофе, но его у Лилиан не оказалось.

Рабочий день Стивена закончился, и он снял галстук, но, хотя шел уже одиннадцатый час, на портье все еще была белоснежная форменная рубашка и серые брюки – должно быть, почти вся его жизнь протекала в этом доме.

Эйприл сидела за кухонным столом – кухня оказалась единственным местом, куда можно было пригласить гостя, – а Стивен прислонился к тумбе, держа в руке чашку чая.

Он согласно кивнул:

– Должно быть, на вас обрушилось сразу столько всего. Я подумал сначала, что вам будет проще, поскольку вы не были знакомы с Лилиан. Хотя, с другой стороны, то, что вы не знали ее, вероятно, наоборот, все осложняет. Вы хотите узнать о ней до того, как расстанетесь с квартирой.

– Здесь очень много вещей. И я уже увидела кое-что такое, что напоминает мне меня саму. Если можно так сказать.

Стивен улыбнулся, словно собираясь сделать признание:

– Можно. Я сразу же заметил фамильное сходство. В глазах. Забавно. Очень часто жильцы на закате дней сходятся с нами, обслуживающим персоналом, ближе, чем со своими родственниками.

– Хотя, как я могу догадаться, обычно никто не считает вас за людей.

– О, на это мы не обращаем внимания. Нам платят за то, чтобы мы исполняли свою работу. Но когда много лет служишь у кого-нибудь в доме, невольно делаешься частью жизни этого человека. Вроде как членом семьи.

– Вы любили Лилиан?

– Да. И дневные портье тоже. Хотя сомневаюсь, чтобы ее знал кто-нибудь из ночной смены. С ними она никогда не сталкивалась.

– Почему так?

Стивен пожал плечами:

– Она всегда старалась вернуться домой задолго до наступления сумерек. – Он видел, что Эйприл смутилась, и попытался развить свою мысль. – Когда твоя смена составляет двенадцать часов, это просто неизбежно. Мы не подсматриваем за жильцами, но подобные мелочи замечаешь невольно. К тому же нам платят за то, чтобы мы все замечали.

Стивен явно готовил Эйприл к чему-то. Она видела, что этот человек обладает безупречными манерами, он настоящий профессионал, который не станет сплетничать или болтать попусту. Наверное, персоналу это запрещено. Но она так устала, ей просто хочется, чтобы он был с ней откровенен. Если к Лилиан никогда не ходили гости, у нее не было друзей, значит, служащие в Баррингтон-хаус были ее единственными собеседниками. Похоже, в последние годы портье составляли все общество Лилиан. И от одной мысли о жизни, которая была известна только им, Эйприл снова впала в уныние.

Она устало улыбнулась Стивену:

– Прошу вас, Стивен. Вы можете быть со мной откровенны. Мне необходимо зацепиться за что-нибудь, прежде чем я начну ворошить прошлое. Любопытство меня погубит.

Старший портье кивнул, затем поглядел на свои ботинки, облизнул губы.

– Как я уже говорил, Лилиан была весьма эксцентричной.

– Но в чем именно это выразалось? В смысле, разговаривала она сама с собой или?..

– Да. Разговаривала. Половину времени она пребывала в своем собственном мире. Внутри своего сознания. И она всегда казалась несчастной, когда

возвращалась в этот мир.

Эйприл ощутила, как у нее опустились уголки рта.

– Но случались и моменты, когда она просто лучилась светом. Она была такой грациозной. И еще у вашей бабушки были безупречные манеры. Действительно аристократические. Хотя обычно мы видели ее всего лишь раз в день, когда она выходила. Каждый божий день. В одиннадцать, прямо с боем часов. Однако...

– Продолжайте.

Стивен теперь улыбался смущенно.

– В наши дни нечасто увидишь женщину в шляпке. Под вуалью. Но Лилиан никогда не выходила без шляпы. Или без перчаток. И она всегда была одета в черное. Как будто бы соблюдала траур. Она была у нас местной достопримечательностью. Все в этом районе ее знали. И заботились о ней. И местные жители, и продавцы в магазинах, и таксисты обязательно приводили ее домой, когда понимали, что она заблудилась.

– Что значит «заблудилась»?

Стивен пожал плечами:

– Ваша бабушка обычно отправлялась на прогулку в добром здравии. Но затем внезапно теряла ориентацию, и ее требовалось доставлять домой. В большинстве случаев она приходила в себя при виде дома. И в итоге, если была возможность, я посылал вслед за ней кого-нибудь из свободных консьержей. Или же шел сам. Она никогда не забиралась далеко, но зато никогда не следовала одним и тем же маршрутом. Она постоянно отыскивала какой-то новый путь.

– Звучит это ужасно.

Стивен пожал плечами, его лицо приобрело беспомощное выражение.

– Но что мы могли поделать? Мы ведь не сиделки.

– Хотела бы я знать, что творилось у нее в голове.

– У двери она каждый раз говорила мне: «Ну, всего хорошего, Стивен! Если мы больше не свидимся, не поминайте лихом». И при ней все время были одни и те же вещи. Маленький чемоданчик и зонтик, как будто она куда-то уезжает. Однако каждый день она через пару часов возвращалась. Больше всего мы беспокоились, как бы она не заблудилась в городе. Иногда таксисты, завидев ее, останавливались и говорили: «Садитесь, Лил, я подброшу вас до дома». И если она была готова вернуться, то садилась в машину, отвечая: «Сегодня я не смогу уйти дальше. Не сегодня. Но завтра я попробую еще разок». И так повторялось изо дня в день, без исключений. Все это подтверждают. И ее всегда привозили домой. Я по временам думал, что это не так уж плохо, ведь она по-прежнему в состоянии общаться хотя бы с обслуживающим персоналом. Все вокруг знали вашу бабушку Лилиан.

– А что это за цветы? Наверное, в комнате их целая тысяча.

Стивен пожал плечами:

– Она никогда не рассказывала мне, для чего они, зачем она их собирает. Но сколько я ее помню, она всегда возвращалась домой с цветами. И каждый раз с розами. Ее дважды заставляли за тем, что она воровала их в палисаднике Честерфилд-хаус в Мейфэре. К счастью, я знаком с тамошним старшим портье, поэтому каждый раз все обходилось. Но могло бы кончиться плохо. Она даже вытаскивала цветы из мусорных баков или уносила из цветочных магазинов, забыв уплатить.

– Как же она умерла? В свидетельстве о смерти сказано, что это был сердечный приступ.

Стивен потер рот. Он явно избегал смотреть Эйприл в глаза. Он дважды пытался ответить, но каждый раз осекался.

– Прошу вас, Стивен. Расскажите.

– Она умерла в такси, на заднем сиденье, Эйприл. Она сильно испугалась. Во время одной из своих обычных прогулок. Один водитель заметил ее. Она была совершенно растеряна. И на этот раз дошла до самой Мраморной арки. На моей

памяти она никогда не забиралась так далеко, и это порядочное расстояние для женщины ее возраста. Но в тот день все было по-другому. Видите ли, обычно, когда кто-нибудь ее находил, она разговаривала сама с собой и размахивала зонтиком или тростью. В этом не было ничего необычного. Мы все наблюдали ее за этим занятием, Лилиан будто увлеклась спором с кем-то невидимым. И обычно она впадала в такое состояние, в такое волнение, незадолго до возвращения домой. Или же, как я уже говорил, когда ее находили и подвозили до дома. Но в то утро, когда она умерла, таксист говорил, что Лилиан казалась совсем больной. По-настоящему изможденной. Она стояла, привалившись к решетке парка, совсем бледная и едва не падая. Она была чем-то сильно расстроена и держалась на ногах из последних сил. Поэтому водитель остановился и помог ей сесть в такси. Но она так и не вышла из ступора, как случалось обычно. Она казалась потрясенной чем-то, больше не сознавала, где находится и куда ее везут. Водитель вышел из машины и позвонил на главный пульт, попросил нас вызвать скорую. Но Лилиан умерла, не дождавшись. Мне показалось, это был обширный инфаркт. Так я тогда подумал. Но самое странное... Знаете, она вышла из транса перед смертью, когда такси въехало на площадь. Водитель видел ее лицо в зеркале. Огорченное. Она была по-настоящему раздосадована. Или даже испугана чем-то. Или кем-то. Как будто кто-то сидел в машине рядом с ней.

Эйприл посмотрела в чашку на остатки чая. После долгого неловкого молчания она заговорила:

- Возможно, ей было бы лучше в каком-нибудь специализированном учреждении?

- Да, наверное. Но ее навещала медсестра, и, когда она приходила, Лилиан была в полном порядке. Эксцентричная, однако же вменяемая и в ясном уме, способная позаботиться о себе. Она была довольно сильной женщиной для своего возраста и только когда выходила из дома, когда покидала здание, вот тогда она... теряла рассудок.

Наверное, Лилиан страдала от какой-то болезни: Альцгеймера, деменции. Если бы только они с мамой знали...

- Бедная бабушка Лилиан.

Но Стивен, кажется, не обратил на слова Эйприл никакого внимания. Он был погружен в собственные мысли.

– Однако самое странное в тот день, – внезапно проговорил он, – оказалось у нее в сумочке.

Старший портье, озадаченно хмурясь, рассматривал свои ботинки.

– У нее там лежал билет на самолет. До Нью-Йорка. Вместе с паспортом, срок которого истек пятьдесят лет назад. По-видимому, в последний раз Лилиан действительно собралась покинуть нас навсегда.

После того как Стивен ушел, Эйприл поужинала макаронами под соусом песто, купленными в магазинчике на Моткомб-стрит, а затем наполнила ванну. В ванной комнате не было кабинки и над стальным краном в разводах не было душа. Эйприл присела на пуфик рядом с ванной, наблюдая, как толстая струя воды звучно ударяет по стертой эмали. Трубы за выцветшей пятнистой стеной пели и стонали. Дожидаясь, пока наполнится ванна, Эйприл вышла, распаковала привезенную с собой одежду и выложила косметичку на комод в комнате Лилиан.

Она поймала себя на том, что придумывает себе занятия. Пытается отвлечься от мысли, что придется ночевать в этой квартире, и старается не задаваться вопросом, чем занималась здесь по вечерам Лилиан. Две дальние спальни давно уже не использовались по назначению и были приспособлены под кладовые, так что едва ли бабушка заходила сюда, разве только для того, чтобы пополнить свою сокровищницу. В гостиную же она только приносила свежие цветы, под которыми в снопе перед окном скрывались увядшие в прах. Эта комната была для бабушки священна.

Всю мебель в столовой покрывал толстый слой пыли. В квартире не нашлось ни телевизора, ни хотя бы работающего радиоприемника. Эйприл уже обнаружила старый сломанный приемник в бакелитовом корпусе, завернутый в газету и засунутый в недра ящика с оловянными кружками. Однако, за исключением радио и нескольких книжек, ни одна из которых не относилась к современным изданиям, Эйприл даже представить не могла, чем ее двоюродная бабушка развлекалась в одиночестве на протяжении множества вечеров. Неудивительно,

что Лилиан разговаривала сама с собой, – Эйприл пробыла здесь только день, но уже готова последовать ее примеру.

Приняв ванну, – причем за это время ее глаза трижды слипались и она погружалась в дремоту, длившуюся, пока не остывала вода, – Эйприл вернулась в спальню и закрыла дверь. Белье под старинным стеганым покрывалом казалось чистым, но она не смогла заставить себя лечь на простыню. На верхней полке шкафа нашлись одеяла, и Эйприл соорудила из них постель прямо поверх покрывала.

Эйприл погасила свет, и ее поначалу поразила наступившая темнота. Она даже помедлила, прежде чем лечь, но усилием воли заставила себя успокоиться – она слишком устала, чтобы нервничать. В свежем белье и чистой футболке с надписью «Social Distortion»[5 - Популярная панк-группа, созданная в Калифорнии в 1978 г. (Прим. ред.)] Эйприл свернулась клубочком, лежа лицом к двери, как делала всегда, если ночевала в незнакомом месте.

Устроившись, она прислушивалась к далекому шуму машин, изредка проезжавших через Лаундес-сквер. Она сознательно переключила медленно текущие мысли на Лондон, не позволяя им сосредотачиваться на этом месте, бродить по квартире, блуждать по странным захлавленным комнатам, объатым темнотой и тяжким молчанием.

Подтянув колени к животу, Эйприл зажала между теплыми бедрами сложенные вместе ладони – эта привычка осталась у нее с детства. Она сейчас же осознала, что проваливается в глубокий сон, который продлится много часов, до самого утра. Эйприл уносило все глубже и дальше отсюда. Наконец ее разум успокоился. Но только не комната, оставшаяся по ту сторону сомкнутых век.

Эйприл не стала отвлекаться на шорох и негромкий топот ног, стремительно переместившихся от двери в изножье постели. Это просто сосед по квартире, Тони, – зашел, по обыкновению, на цыпочках, чтобы быстренько забрать что-то, забытое в ее комнате. Слишком измученная, чтобы разлепить глаза, где-то в недрах сознания Эйприл была твердо уверена, что Тони скоро уйдет. Уйдет.

Но в таком случае что еще ему нужно, зачем он остановился у постели, склонившись над ней? Эйприл ощутила это затянувшееся присутствие, затем – колено, упирающееся в край матраса.

Она в панике проснулась, испарина высыхала на лбу. Совершенно потеряв ориентацию в пространстве, Эйприл уставилась в кромешную тьму. Она села на постели и спросила: «Чего тебе нужно?»

Вопрос остался без ответа, и несколько секунд Эйприл не понимала, где находится и как сюда попала. Пока в памяти не всплыло несколько главных деталей. Нет здесь никакого соседа, нет никакого Тони. Она в Лондоне. В незнакомой квартире. У Лилиан. В таком случае кто...

Одной рукой Эйприл зашарила по столику у кровати, отыскивая лампу. Нашла. Принялась нащупывать выключатель, тяжело дыша. Стоя на коленях, она сознавала, насколько ее тело уязвимо для этой фигуры, так близко возвышающейся в темноте. Пальцы Эйприл коснулись старой керамической подставки с кнопкой выключателя – тяжелое основание лампы качнулось. Темную комнату вдруг затопил блеклый свет.

Никого. Она одна в комнате.

Все жилы и нервы в ней расслабились от облегчения. Эйприл хватала ртом воздух, как будто только что взбежала вверх по лестнице. Это просто занавески колыхались от сквозняка или же скрипели сами по себе древние половицы. Так часто бывает в старых зданиях, к которым еще не привык.

Эйприл закрыла лицо руками. Потрясение проходило, оставляя после себя болезненное ощущение собственной глупости.

Однако же только что пережитые стресс и ужас перед чужим присутствием повлияли на нее так сильно, что Эйприл уже не хотела забыться глубоким сном. Она устроилась полусидя и оставила свет, который горел всю ночь. Подобное она делала давным-давно и всего один раз в жизни, после того как посмотрела «Изгоняющего дьявола».

Глава шестая

Вскоре после полуночи жильцы перестали дергать Сета. Запах серы и гари на верхних этажах рассеялся после третьего осмотра, когда портье таки обнаружил источник вони в мусорных баках. Однако слабость все равно не позволила ему сосредоточиться на «Ивнинг стандарт» и лишь усилилась, когда он опустил в кресло. Почти сразу голова его стала поминутно падать на грудь. Что было странно: обычно Сет начинал засыпать, самое раннее, часа в два пополуночи. Должно быть, виной тому вирус, который его организм старательно перерабатывал во что-то, кроме высокой температуры и першения в горле.

Сет решил вздремнуть несколько минут. Тогда он проснется освеженный и сможет сидеть с открытыми глазами хотя бы следующие несколько часов.

Портье провалился в глубокий сон.

Ему показалось, что он проспал всего несколько секунд к тому моменту, как его разбудило некое стремительное движение рядом и промельк чьей-то тени.

Встревоженный, Сет выпрямился.

В холле никого не было.

Он содрогнулся, но вскоре расслабился, откинувшись на спинку кресла.

Портье снова задремал.

Но опять проснулся спустя мгновение, потому что на этот раз он был твердо уверен: чья-то щека прижалась к прозрачной входной двери напротив его стойки. Однако, когда Сет резко распахнул глаза и подался вперед, шумно откашливаясь, все, что он увидел в темном стекле, – собственное отражение: суровое худощавое лицо с темными, пристально всматривающимися глазами.

Разволновавшись, Сет спустился на цокольный этаж, выкурил две сигареты, выпил чашку кофе. Однако, несмотря на попытки взбодриться, стоило ему сесть обратно в кресло за стойкой, как он тут же начал клевать носом. Сет устроился поудобнее и нырнул в призывные глубины сна.

Вдруг он услышал шорох одежды у самого уха. И еще голос. Кто-то позвал:

– Сет. – А затем снова: – Сет!

Он резко подскочил в кресле и огляделся, сердце часто билось. Сет поднялся, бормоча извинения, в ожидании увидеть кого-нибудь из жильцов, в пижаме облокотившимся на стойку. Но поблизости никого не оказалось. Ему все привиделось. Как же так? Ведь кто-то наклонился к самому уху! Он ощутил прохладное дыхание на своей коже.

Перед глазами стояли синие пятна от ярких белых ламп, висевших над стойкой.

Все еще встревоженный, Сет вернулся к своему креслу, включил телевизор и растер лицо ладонями, пытаясь взбодриться. Все без толку, он никак не мог справиться с неумным желанием разума погрузиться в сон.

На краю леса показался невысокий силуэт. Закутанный в серую штормовку с опущенным на лицо капюшоном некто просто смотрел, как Сет стоит в каменной комнате, вцепившись в холодные прутья решетки. Переминаясь с ноги на ногу, Сет сглотнул комок в горле в надежде, что незнакомец не исчезнет и не пройдет мимо.

Силясь улыбнуться, он понял, что совершенно не владеет мышцами лица, – должно быть, со стороны кажется, будто он вот-вот заплачет. Сет оставил попытки растянуть губы и помахал рукой. Куртка с капюшоном даже не шевельнулась в ответ. Сет смутился и уронил руку, подумав, что ему, пожалуй, стоит забиться в угол и больше никогда никого не беспокоить. Именно для этого он здесь.

Силуэт отделился от деревьев и двинулся вперед. Некто медленно шагал по высокой траве, огибая заросли темной крапивы, пока не дошел до подножия ступенек. В урнах по обе стороны лестницы торчали сухие коричневые стебли.

Гость поднял на него глаза, но под капюшоном Сет не смог разглядеть лица.

– Как тебя зовут? – спросил мальчик.

– Сет.

– Почему ты здесь?

Сет посмотрел на свои ноги. Помедлил, проглатывая комок в горле, поднял голову и пожал плечами:

– Не знаю.

– Я знаю. Ты поддался страху и спятил. Точно так же, как и я. Ты пробудешь здесь целую вечность, а потом окажешься в другом месте, гораздо хуже этого.

Внутри своей каменной темницы Сет ощутил, как холод скользнул по животу. Он весь покрылся гусиной кожей, перед глазами замелькало, стало трудно дышать.

– Что, испугался до чертиков? – поинтересовался мальчишка.

Слезы жгли лицо, и Сет так вцепился в решетку, что онемели пальцы. Он сжимал железные прутья все сильнее, хотя и понимал, что на руках останутся синяки.

– Теперь ничего не исправишь, – проговорил Сет тонким надтреснутым голосом.

– Неправда, – уверенно возразил незнакомец в капюшоне. – Я могу тебя вытащить.

– Но у нас будут неприятности, – сказал Сет и тут же возненавидел себя за эти слова.

– Да кому какое дело? Между прочим, о тебе больше никто не думает. Тебя забыли.

Сет хотел поспорить, но понял, что так и есть.

– Так ты хочешь выйти? – спросил мальчик, выискивая что-то в глубоком кармане.

Сет кивнул, сдерживая слезы.

Из куртки мальчик вынул большой железный ключ. Но Сет смотрел вовсе не на ключ – он не мог отвести глаз от руки гостя. Кисть покрывали багровые и желтые пятна, и от одного взгляда на них становилось дурно. Кожа будто когда-то расплавилась, а затем снова затвердела. Некоторые пальцы были склеены друг с другом.

Изуродованные, они сомкнулись на головке ключа в форме бабочки и повернули его в замке. Механизм застонал, а затем зарешеченная дверь отворилась.

От испуга не в силах сделать по мраморному полу хотя бы шаг, босоногий Сет так и стоял, сотрясаемый дрожью. Мальчик вернулся к основанию лестницы и посмотрел на Сета. Он снова сунул руки в карманы теплой куртки и замер в своей обычной позе: непринужденной, но выжидательной.

Небо над лесом потемнело. Либо вечереет, либо тучи сгустились над деревьями. Сет интуитивно понимал, что ему надо поторапливаться и принимать решение. Остаться или уйти? Казалось, будто еще одни, гораздо более широкие, ворота распахнулись в мир за стенами каменной комнаты, но, если Сет замешкается, они снова захлопнутся, и он останется в заточении. Кроме того, они с мальчиком привлекут внимание, если будут топтаться здесь вдвоем. У него было такое чувство, что их в любую минуту может увидеть кто-нибудь из-за деревьев.

Сет отважился пройти через решетчатые створки и ступить на траву слабыми ногами, отвыкшими от физических нагрузок. Он подумал, что его конечности похожи сейчас на тщедушные стебельки петрушки, позабытой в выдвижном ящике холодильника.

Сет стоял на краю поляны, с удивлением ощущая травинки под подошвами, привыкшими к каменному полу, и дуновение ветерка на обнаженной коже. Он заволновался, увидев тропку, которая терялась в густом лиственном лесу.

Провожатый в капюшоне двинулся по дорожке к деревьям. Сет зашагал следом.

На краю леса он в последний раз оглянулся через плечо на свою комнату с желтой лампочкой. Мальчик впереди приглашал идти следом – он просто ждал и смотрел на Сета, пока тот не поравнялся с ним и не встал рядом под мокрыми деревьями.

- Куда мы пойдём? – спросил Сет.

- Подальше от этого места.

Сет сглотнул и ощутил, как его охватывает паника.

- Если вернешься туда, мы уже никогда не сможем тебя вытащить. Ты так и останешься там. Как обычно и бывает. Полным-полно народу сидит взаперти. Я все время их вижу. Они не знают, как выбраться на свободу.

- Что ты имеешь в виду?

- Сет, очень немногие из вас еще живы. Большинство находится здесь постоянно, и после смерти ты снова попадешь сюда. Уже надолго. – Капюшон кивнул в сторону мраморной тюрьмы. – Вот так все и происходит. Вы привыкаете к темноте, привыкаете ничего не видеть. Ничего не помнить. Потом вы словно оказываетесь ночью посреди моря. Вам холодно, вы тонете, и никто не приходит на помощь.

Сет нервно прохаживался из стороны в сторону.

- Я твой друг, Сет, – произнес мальчик особенно убедительно, как-то по-взрослому. – Тебе повезло, что мы пришли. Ты можешь нам доверять.

- Я знаю, знаю. Спасибо. Правда, спасибо.

Сету стало легче, он ощущал одновременно благодарность и смущение. В голове роились вопросы, однако не хотелось раздражать нового товарища, выпустившего его из склепа.

- Но кто?.. Ты все время говоришь «мы» и «они».

Мальчик побрел дальше, прочь от темницы Сета, будто не услышав вопроса. Нависающие ветви и мокрые кусты шуршали по нейлоновой куртке. Сет шел следом, они шагали все быстрее и вскоре удалились от склепа настолько, что Сет усомнился, сумеет ли его найти. Он насквозь промок от росы, крапива хлестала по лодыжкам.

- Не бойся, Сет. Поначалу окружающее будет казаться непривычным, но пройдет немного времени, и все наладится. Мне было всего десять, когда я застрял. Застрял в бетонной трубе рядом с игровой площадкой.

- Неужели в трубе?

- А потом приятели прикончили меня петардами.

Мальчик в куртке с капюшоном замедлил шаг. Он вынул руки из карманов, и Сет успел увидеть изуродованные суставы и багровую плоть, прежде чем рукава сползли, закрывая кисти до кончиков пальцев.

- Теперь, выбравшись из своей тюрьмы, Сет, ты увидишь все таким, какое оно есть на самом деле. А затем начнешь делать то, что тебе предназначено.

- Правда?

- Да. Тебе предстоит запечатлеть в красках то, что ты видишь. Они покажут, как именно. Ты станешь блестящим художником, приятель. Самым лучшим. Они мне сами сказали. Но, конечно, ты будешь кое-что делать и для нас.

- Разумеется! - воскликнул Сет, внезапно разволновавшись, хотя пока совершенно не понимал, что ему предстоит.

- Сначала тебе будет по-настоящему страшно. Но вернуться ты уже не захочешь. Я ни разу не захотел с тех пор, как меня вытащили из трубы.

Сет кивнул, наслаждаясь новым чувством, охватившим его за пределами склепа. Да, все теперь совершенно по-другому - настоящая свобода, которую невозможно описать словами. Ощущение не поддавалось определению, однако же заставляло Сета дрожать от счастья. Как будто он всю жизнь ждал именно этого, но потом позабыл. Он даже не мог вспомнить, когда последний раз испытывал воодушевление.

Скоро лес вокруг начал редеть. Воздух сделался холоднее, небо вылиняло до водянисто-серого оттенка.

– Это мой участок, – сказал мальчик в капюшоне. – Хочу показать тебе, где я застрял. Как я уже говорил, многие люди после смерти возвращаются в подобные места и не могут выйти. Пока совсем не стемнеет. Тебе бы не понравилось сидеть в темноте, приятель. Не-а. Я видел, на что она похожа, – это конец всего. Но мы тебя научим обходить других местных обитателей. Они чокнутые. Ты не должен таким становиться.

Они вышли из леса и оказались на большом замусоренном пустыре. Жидкая травка клочками проросла из грязи, в которой Сет то увязал, то поскользнулся.

Слева вдалеке высилось несколько жалких построек с пластиковыми навесами вместо крыш и окнами, затянутыми драным полиэтиленом. Лачуги отделяли друг от друга полосы земли, поросшей сорняками. Перед домами раскинулась детская площадка.

Мальчик с Сетом сразу направились к ней. Приходилось переступать то через кучки собачьего дерьма, то через битые бутылки. Провожатый в капюшоне принялся подпрыгивать и напевать что-то себе под нос. Кажется, он был очень доволен тем, как все складывается.

На игровой площадке возвышалась горка, четверо качелей с пластмассовыми сиденьями свисали на цепях с общей железной рамы, и еще имелась карусель – ржавые «Гигантские шаги» с крестом деревянных перекладин наверху. Последняя была намертво закреплена в бетонном основании. Яркая краска на всей конструкции облезла до коричневатого металла, отполированного маленькими грязными ладошками.

В песочнице по соседству грудились битые стекла и обломки пластмассы. В дождевой луже мокли останки куклы с треснутой головой. Под волнистыми светлыми волосами темнела дыра, рана казалась настоящей. Еще у игрушки не хватало глаза. Сет содрогнулся.

Рядом с куклой валялось несколько страниц из порнографического журнала. Сет краем глаза увидел на цветастом снимке женщину с раздвинутыми ногами, пухлыми вишневыми губами она сжимала собственный палец.

– Паршивое местечко, – произнес мальчик.

Сет кивнул и пошел вслед за ним в сторону двух огромных жилых домов башенного типа, поднимавшихся так высоко в облачное небо, что пришлось задрать голову. Света в окнах не было, и строения казались заброшенными. Их стены покрывали граффити, сделанные на высоте роста ребенка, на дорожках вокруг грудился мусор.

Сет посмотрел под ноги: шуршащие пакеты, банки и жестянки с выцветшими наклейками, автомобильная шина, часть мотора, разбитый телевизор и еще колготки. Видимо, они столько раз успели намочить под дождем и снова высохнуть, что Сет не сразу понял, какая кошмарная тварь нацелила на него свои длинные щупальца. На некоторых плитках дорожки еще остались детские рисунки мелками – розовым, желтым и голубым. Дождь не полностью смыл их. А дождь прошел только что. Бетонные плиты были мокрыми, и лужи на тротуаре не успели просохнуть. Сет решил, что здесь всегда сыро, и содрогнулся. Он обхватил себя руками. Даже летом здесь ужасно. Чем ближе они подходили к домам, тем сильнее становился запах мочи и отбеливателя.

Между двумя большими башнями налетел ветер, Сет поежился. Он поднял глаза – показалось, что дома накренились и вот-вот упадут на него. Сет схватился за каменную стену, чтобы удержаться на ногах.

Вскоре они подошли к мелкому отвратному ручью, пересекавшему бескрайнюю унылую равнину, где среди тощей травы было полно экскрементов и битого стекла.

От ярко-оранжевой почвы на берегах и в пойме пахло так, как обычно пахнет под кухонными раковинами, где хранятся пластиковые бутылки. Под ногами вода сонно струилась между проржавевшей жестянкой и сломанной игрушечной коляской, в каких девочки возят кукол. С белой пластмассовой рамы свисали лохмотья красной парусины. Чуть ниже по течению Сет увидел большую серую сточную трубу. Внутри ее зева на бетоне расплзлось оранжевое пятно. Сет взглянул на мальчика в капюшоне, и тот молча кивнул в ответ. Кошмарное место, чтобы умереть.

Они перешли на другую сторону ручья. Пейзаж не менялся, насколько хватало глаз: заброшенные лужайки, пустые игровые площадки, мусор и два громадных дома-башни, возвышающиеся над застывшей равниной, которой не видно конца.

– Здесь есть еще туалеты, – произнес мальчик, не поднимая головы, чтобы взглянуть на Сета. – Никогда их тебе не покажу. А в некоторых квартирах я находил людей.

– Они тоже застряли?

Собеседник кивнул, и Сет содрогнулся.

– Ты не можешь их вызволить?

Парнишка пожал плечами, затем ответил:

– Не-а. С ними покончено. Я видел маленького мальчика, азиата, с пластиковым мешком на голове, который он не может снять. Он не понял ни слова из того, что я ему говорил. Еще там была пожилая женщина, надышавшаяся паров из водогрейного котла. Она просто лежала на линолеумном полу совсем больная. И еще я нашел мужчину, тот мне очень не понравился. Он сидел на стуле у горячей конфорки и просил, чтобы я посмотрел, как он мочится.

– Может, пойдём? Я замерз, – сказал Сет.

– Да. Я просто хотел показать тебе мое прежнее место.

– Спасибо.

– Большинство людей видит свои места во снах, которые забываются к утру. А когда люди умирают, уже слишком поздно. Они возвращаются и ждут наступления темноты.

Они шагали обратно в сторону леса по той же дороге, какой пришли сюда.

– Кто тебя вытащил? – задал Сет последний вопрос, едва они покинули замусоренный пустырь.

– Один человек, – последовал ответ. – Он художник, как и ты. Некоторые люди, ваши общие знакомые, поступили с ним очень плохо.

– Кто?

– Он хочет тебе помочь. Он твой друг. Ты с ним увидишься, Сет. Уже скоро. Но сначала тебе предстоит многое сделать.

Сет, вздрогнув, распрямился в кресле и не сразу понял, где находится.

Он огляделся по сторонам: полукруглая конторка с внутренним телефоном; металлическая панель с сигнализацией и с системой пожарного оповещения, проведенной во все квартиры; портативный радиоприемник, желтые стены вокруг стойки портье, искусственные растения, ровная стопка журналов «Татлер» и «Лондон мэгэзин» на плетеном кофейном столике, мониторы камер слежения, мерцающие желтовато-зелеными экранами. Встревоженный, Сет ожидал, что кто-нибудь сейчас же на него накричит или хотя бы, встав перед конторкой, осуждающе покачает головой, ведь портье заснул на дежурстве.

Никого не было. В шахтах обоих лифтов за раздвижными металлическими створками стояла тишина. Входная дверь заперта. Никто не подходил к стойке и не видел его спящим.

Сет взглянул на циферблат: почти четыре утра. Он проспал больше трех часов. Судя по боли в пояснице, все это время он так и просидел в одной неудобной позе.

Сет выдохнул и поправил галстук. Медленно повернув голову, он услышал, как хрустнули шейные позвонки, – мышцы разогревались, обретая прежнюю эластичность. Теперь он вытянул ноги. Обе коленки затекли.

Сет никогда еще не спал на работе так крепко. Заснуть на несколько часов кряду – это что-то новое, немыслимое. И опять этот кошмар. Он вспомнил кое-какие обрывки, но их было достаточно, чтобы понять: он снова видел то место. Каменная комната, склеп на краю леса. Но были и некоторые отличия: в первом сне отсутствовал мальчик в капюшоне с обожженной рукой.

Им оказался тот самый парнишка, который смотрел на Сета у паба. Значит, его собственное подсознание породило загадочную фигуру. С поразительной ясностью Сет вспомнил, каково быть ребенком. Ощущения вернулись к нему, во сне он плакал от отчаяния. Соленые разводы на щеках растрескались, когда Сет

зевнул. Ему почти захотелось снова задремать, чтобы опять пережить восторг освобождения, радость от новообретенной компании, предвкушение приключений.

Но вместо того он задрожал и с трудом глотнул. Горло саднило, лицо пылало от жара. Сету хотелось лечь на пол и умереть, но чувство долга заставило его поглядеть на мониторы. Окидывая взглядом экраны, он никого не заметил ни на черно-белой улице перед домом, ни на дальней дорожке за внутренним садом, ни в гараже под домом.

Но в следующий миг Сет замер и поглядел влево. Он потянул носом, поднялся и поспешно обнюхал рукав своего пиджака, затем обе ладони. От них воняло серой, порохом и еще густым жирным дымом, который получается, когда что-то жарят на открытом огне. Сет весь пропитался этими запахами, точно так же, как его конторка, стойка портье и весь холл до самых лифтов.

Глава седьмая

Насколько удалось разглядеть в тусклом утреннем свете, пробивавшемся между занавесками, в спальне не было зеркал, поэтому Эйприл заглянула в ванную, пошарила на подоконнике за жалюзи и в маленьком чуланчике, где хранились половики и бутылка с чистящим средством, но ничего так и не обнаружила. Еще минут пять она осматривала две дальние комнаты, но там искомого не оказалось.

Эйприл вернулась в хозяйскую спальню и заглянула в коробки с косметикой в поисках карманного зеркальца – тщетно. Тогда она обратила внимание на пустое место над комодом, между двумя деревянными столбиками – когда-то на них явно крепилось овальное зеркало.

Заинтригованная, Эйприл вернулась в ванную и обнаружила над раковиной четыре небольших отверстия, просверленных дрелью и заткнутых коричневыми заглушками. Следы от шурупов, на которых некогда крепился шкафчик. Шкафчик, у которого наверняка были зеркальные дверцы.

Над ванной Эйприл заметила еще два отверстия. Эти были пошире, для длинных шурупов, которые глубоко входят в стену, чтобы удерживать большое зеркало. Оно тоже исчезло. Но ведь в ванной не меняли мебель и не делали ремонт – значит, и зеркало, и шкафчик были сняты не для того, чтобы подкрасить выцветшее пятно или заменить треснувшую плитку. Водянисто-желтые стены, заляпанные высохшими мыльными брызгами, много лет никто не обновлял.

Вернувшись в коридор, Эйприл внимательно осмотрела длинные стены, тянувшиеся до дверей дальних комнат. Накануне проходное помещение удостоилось лишь беглого взгляда: было неприятно рассматривать их. Ее ужаснули грязные разводы и оборванные кое-где обои. Неужели Лилиан была настолько больна, так давно лишилась жизненных сил? Эйприл было трудно смириться с подобным зрелищем, поскольку она помнила, какой до абсурда аккуратной была бабушка Мэрилин и какой элегантно и изумительно ухоженной представала Лилиан на фотоснимках.

Мысль о таинственном исчезновении зеркал неприятно зудела в голове, пока Эйприл сознавала полное отсутствие каких-либо декоративных элементов на стенах квартиры. Ни единой картинке в рамочке, никаких украшений во всем коридоре. То же самое в кухне и в трех спальнях. Вчера она этого не заметила.

Но сейчас, чем пристальнее она разглядывала старые обои в захлавленной прихожей и комнатах, тем чаще натыкалась на отверстия от шурупов и стальную фурнитуру, на которых крепились картины, зеркала, полочки, в какой-то момент снятые бабушкой и вынесенные из квартиры. Эйприл была уверена, что когда откроет коробки и чемоданы в спальнях, превращенных в кладовки, то не обнаружит там ни акварелей, ни морских набросков, ни охотничьих трофеев, ни картин маслом, ни чего-нибудь еще, чем Лилиан с Реджинальдом оживляли свое жилище.

Все это было убрано и не просто снято со стен, но вообще вынесено за порог. Стивен сказал, Лилиан была барахольщицей. За те годы, что он служил в доме, она не выбрасывала ничего. Значит, единственное место, где могут обнаружиться картины и зеркала, – чулан в подвале. Эйприл, нахмурившись, тронула маленький черный ключ, прикрепленный к кольцу вместе с ключами от входных дверей.

– Миссис Лилиан ничего не выкидывала, – подтвердил Петр.

Он так ужасно потел. Пиджак, кажется, был ему невозможно мал, и налитое кровью лицо покрывала испарина. Эйприл пришла на ум сосиска для хот-дога, розоватое мясо которой просвечивает сквозь тонкую кожицу. И еще этот портье непрестанно болтал с такой наигранной веселостью, в которой не ощущалось ни живости, ни юмора. У Эйприл от вежливой улыбки уже болели мышцы, а он все раздражал ее бесконечными вопросами, в основном о деньгах, не давая возможности ответить.

– Может быть, у миссис Лилиан там хранится золото? Может, какая-нибудь коробка набита денежками? Тогда вам уже не придется покупать лотерейные билеты!

В итоге они все-таки спустились в подвал. К тому, что обслуживающий персонал называл «клетями». Из обители миллионеров, выстланной темными коврами, с дверьми из тикового дерева, тяжелыми занавесями и мраморными полами, они попали в преисподнюю, благополучно существующую под роскошным молчаливым верхним миром, которому она служила.

Здесь, внизу, тянулись крашенные цементные стены; неровные, в масляных пятнах и царапинах полы; кольца проводов и кабелей в изоляции свисали с потолка. Чернокожие уборщики медленно проходили с ведрами и бутылками чистящих средств, и в свете ламп их кожа казалась угольно-черной с багровым отливом. Надписи на стальных дверях предупреждали о высоком напряжении, громадный бойлер пытел, булькал и сотрясал бетонный пол под тонкими подошвами «конверсов» Эйприл. А дальше шли клетки. Лабиринт темных кубических ячеек, набитых велосипедами, коробками и какими-то громоздкими предметами, скрытыми под слоем пыли. По отсеку на каждую квартиру. Эйприл понадеялась, что Петр оставит ее одну, когда отопрет клеть.

– Вот и ваш номер.

Снова коробки и длинные простыни на раздутых чемоданах. При открытой двери в чулане еще оставалось немного места, чтобы войти.

– Спасибо, Петр. Теперь я справлюсь сама.

– Так я вам могу помочь снять ящики.

– Я справлюсь, честное слово. Если мне понадобится помощник, я обязательно обращусь к вам.

Эйприл пришлось повторить это трижды, потому что Петр стоял, придвинувшись вплотную, потел, улыбался и стрелял глазами мимо нее, рассматривая коробки. Когда портье наконец убрался, вытирая мокрый лоб, Эйприл спросила себя, куда же подевалась радость грядущих открытий. От одного взгляда на это барахло она чувствовала усталость. Будто переезд, только в сто раз хуже. Хотя официально вещи принадлежали ей, Эйприл не ощущала их своими, а вещей было так много, что она не знала, что с ними делать, даже если все они представляли ценность. Легкомысленная часть ее существа сейчас же предложила выбросить все и пойти осматривать достопримечательности.

Начав с краю, Эйприл принялась снимать простыни и уже скоро оказалась в окружении старых занавесок и слежавшегося постельного белья, старомодных лыж и теннисных ракеток в чехлах, одеял в шотландскую клетку, рыболовной удочки и плетеной корзины для пикников, двух старых чайных сервизов, потемневших серебряных кубков и шести пар резиновых сапог. Помимо прочего, Эйприл обнаружила пропавшие зеркала – восемь штук разнообразных форм и размеров, – упакованные в оберточную бумагу, старательно перевязанные веревками и аккуратно уложенные в коробки.

А в плоских деревянных ящиках с такими старыми, разъеденными ржавчиной петлями, что те почти обратились в прах, Эйприл нашла картины, которые некогда украшали стены жилища Лилиан и Реджинальда. Морские пейзажи и греческие статуи в карандаше, литографии и групповые снимки летчиков ВВС Великобритании. Дальше шли большие картины. Одну Эйприл нашла у задней стенки ближе к полудню, когда желудок уже ворчал от голода, а пустая бутылка из-под минеральной воды каталась под ногами. Но Эйприл сейчас же позабыла о еде, как только сняла с картины упаковочную бумагу и ей открылся портрет двоюродной бабушки Лилиан и ее мужа Реджинальда, запечатленных в полном блеске чьей-то талантливой рукой. Она в первый раз увидела их обоих в цвете. Несколько секунд Эйприл смотрела на них не моргая.

Это был портрет в полный рост. Величественная Лилиан глядела с него, как будто нисколько не гнушаясь тем жалким местом, куда теперь оказался заточен ее ставший бессмертным образ. Платиновые волосы зачесаны назад под сверкающей диадемой, лоб фарфорово-гладкий. Идеальный нос, тонкие дуги бровей и полные алые губы довершали ошеломляюще прекрасный облик. На

руках переливались атласные перчатки до локтей, ожерелье сверкало на царственной шее, длинное белое платье обрисовывало прелестные изгибы тела. Но поразили Эйприл серые глаза. В них было больно смотреть, но не смотреть было невозможно. В глазах отражалось живое любопытство и интеллект. И еще страстность. Но самое главное, эти глаза были уязвимы. Очень уязвимы.

В образах на портрете Эйприл почудилась печать грядущей трагедии; она знала, что все достоинства Лилиан после смерти обожаемого мужа постепенно сменятся безумием. Создавалось впечатление, что художника позвали как раз вовремя, чтобы он запечатлел необычайные ум и красоту женщины до того, как они обратятся в нечто совершенно иное и в конце концов исчезнут с ее пугающей и печальной кончиной на заднем сиденье наемного экипажа.

Сложно было поверить и в то, что в мире существует второй столь же привлекательный и неординарный мужчина, когда-либо носивший военную форму, как тот, что стоял рядом с этой светской красавицей. Изящный разрез глаз и длинные темные ресницы уравнивались у Реджинальда мужественным подбородком и выразительными скулами. Небольшая горбинка на носу, который был сломан и сросся чуть кривовато, казалась единственным недостатком, не только не портившим его, но, напротив, придававшим той же пикантности, какую придает дуэльный шрам. Хотя на висках Реджинальда блестела седина, основная масса волос была черной как смоль.

Супруги держались за руки. Их пальцы были переплетены. На этот невольный интимный жест Эйприл тотчас же обратила внимание. Несколько неожиданно для столь официального портрета, но вполне уместно. Доказательство взаимной привязанности, которую они не могли скрыть даже в миг, когда их запечатлевали для вечности.

Горло у Эйприл сжалось. Глядя им в глаза, она прошептала: «Простите».

Простите за то, что она роется в личных вещах. Собирается продать все то, что они собирали при жизни, что было для них дорого. Эйприл ощущала себя разбойником, взломщиком, развязным маленьким негодяем с пыльными руками и грязными щеками, которых она касалась каждый раз, поправляя волосы, выбившиеся из-под алой головной повязки.

Их квартиру и мебель, большую часть ценностей и антиквариата, явившихся из другого времени и другого мира, придется продать как можно выгоднее, чтобы оставить эту картину, изысканное зеркало от туалетного столика и одежду, которую Эйприл будет примерять перед зеркалом бабушки. Эти предметы поедут с ней в Штаты, чтобы бедная ветвь семейства могла восхищаться гордыми и прекрасными людьми, с которыми им посчастливилось состоять в родстве.

Стемнело рано, уже в четыре пополудни улицы погрузились в океан черноты, и вот теперь в стекла еще забарабанил дождь. Все трубы и батареи в квартире накалились так, что к ним невозможно было прикоснуться, и холод отступил в углы, ушел к окну спальни Лилиан. Эйприл как следует согрелась горячей ванной и острым ливанским обедом навынос и теперь, предвкушая, как будет примерять платья Лилиан, буквально сгорала от волнения, словно маленькая девочка, которой мама позволила поиграть со своей косметикой. Настало ее время. После утомительного дня, проведенного в подвале среди памятных вещей, которые требовалось оценить и продать, вечер будет посвящен модному показу прошлого. Эйприл пройдет по этому мрачному дому маленьким ярким привидением, явившимся, чтобы наряжаться для давно минувших вечеров и дней.

К тому времени, когда часы пробили десять, Эйприл уже перемерила темные костюмы, платья без рукавов, сияющие бальные наряды, меховые накидки и полагающиеся ко всему этому шляпки с дымной вуалью, от которой взгляд немедленно делается загадочным, чего невозможно добиться никакими тенями. Просто поразительно, как на ней сидит вся эта одежда – плотно, но не сковывая движений, лишь подчеркивая стройные бедра и небольшую упругую грудь.

Эйприл завалила кровать сшитыми на заказ нарядами из твида, шерсти, кашемира, шелка, атласа и гроыхающими деревянными плечиками. Ей удалось собрать волосы в узел по моде начала сороковых, она закрепила прическу шпильками из фарфоровых баночек Лилиан. Эйприл наложила крем из собственных запасов, наумянилась и напудрила симпатичное личико со вздернутым носом, после чего поддалась искушению и прыснула старинными духами из хрустального флакона на шею и на бледные запястья.

В туфлях на кубинском каблуке или в сверкающих серебристых босоножках, в зависимости от наряда – короткий костюм с приталенным пиджаком или бальное

платье с прозрачной накидкой, – Эйприл вышагивала, скакала, кружилась, усаживалась в эффектную позу перед овальным зеркалом, спасенным из чулана, а грязно-коричневый интерьер бабушкиной спальни служил угрюмой декорацией ее представлению.

В тусклом свете нейлоновые чулки Лилиан поблескивали на стройных лодыжках Эйприл. Тонкие, словно паутина, и гладкие, словно стекло, они придавали ногам изящность, какой невозможно добиться с помощью подделок, продающихся в Америке. С ногтями, покрытыми кроваво-красным лаком, нарумяненными щеками и кукольным взглядом из-под накладных ресниц, которые нашлись в том же ящике, где и длинные оперные перчатки, Эйприл кружилась и танцевала джайв. Она перевоплотилась, двоюродная бабушка внезапно ожила – и в атмосфере вокруг, и внутри самой Эйприл.

Упиваясь этим действием, она не сознавала течения времени и уже не думала о том, что надо разобрать коробки и позвонить оценщикам антиквариата, позабыла о грядущих сложностях с продажей недвижимости. Эйприл выбросила из головы все, кроме настроений и образов прошлого, неожиданно заполнивших воображение и проливших свет на душу. Двоюродная бабушка и ее муж молча взирали с картины, которую Стивен повесил над заваленным вещами комодом.

Как это волнительно!.. В следующий миг Эйприл застыла на месте. Она выждала секунду и снова посмотрела через плечо, словно актриса в немом кино. В зеркале отражалось только ее лицо, искаженное испугом.

Быстрый промельк за спиной, рывок из сумрака. Неясные очертания кого-то длинного и тонкого, с красным пятном в том месте, где любой ожидал бы увидеть лицо.

Уловив стремительное движение в глади зеркала, Эйприл развернулась и попятилась, словно кошка, ожидающая удара.

Теперь Эйприл не увидела ничего – лишь отражение двух платяных шкафов по обе стороны от смятой постели. И еще себя, окаменевшую на месте и одинокую.

Эйприл перевела дух, к ней вернулось самообладание. Она выпрямилась, ощущая, как ледяные кристаллики холодят кожу, но затем все-таки тают. Эйприл проглотила комок в горле.

Ничего там не было. Из-за слабого света и грязных пятен на абажурах ей что-то померещилось в зеркале, но там не было ничего. Однако же Эйприл, чуть пошатываясь, прошла через комнату, поспешно выскочила в коридор, добежала до входной двери и там застыла, тяжело дыша.

Неужели в этом давно потонувшем в тишине месте, где только тени и хлам, все время прятался некто на тонких ногах? К лицу существа накрепко прилипло что-то красное – образ, способный родиться только в кошмаре.

Глава восьмая

Три пассажира, ехавшие с Сетом в автобусе, слышали, как тот разговаривает сам с собой. Они делали вид, будто не замечают мужчину, бормочущего себе под нос. Смутившись оттого, что его внутренний голос стал слышен, Сет перестал шептать и принялся рассматривать улицы за окном. Он попытался отвлечь разум от бессвязного мысленного диалога.

Что с ним происходит? Сложно сказать. Трудно вспомнить, каким он был до того, как все началось. Обычная человеческая жизнь стала казаться ему странной. Чуждой. Сет не знал, просветление это или же он просто лишился рассудка.

Лицо горело, кожа сделалась чрезмерно чувствительной. Каждое движение вызывало в суставах болезненный скрежет. Мышцы, будто вымоченные в кислоте, сердито огрызались на малейшее усилие. Пульсирующая головная боль заставляла его щуриться от яркого света, а по временам и вовсе закрывать глаза. И чем сильнее Сет удалялся от своей комнаты, тем хуже себя чувствовал. Внизу, на улицах, сидели нищие, выставив на холодный тротуар ноги, укрытые грязными белыми одеялами, но эти люди, по крайней мере, заслуживают спасения, заслуживают второго шанса, тогда как Сета все-таки ожидает неизбежная гибель, распад физический и ментальный. Именно так он себя ощущал. Долгая и запутанная цепочка разочарований, привычки, неудачные выборы и периоды рефлексии довели его до нынешнего состояния.

Теперь он никак не мог остановить поток мыслей, они неслись вскачь, постоянно меняя направление, и вспыхивали внезапно, словно пожар в душе. Создавалось

впечатление, будто жалкие ошметки его прежнего «я» уцелели только для того, чтобы наблюдать за происходящей трансформацией.

Злясь на самого себя, Сет пытался понять, с чего он вдруг покинул «Зеленого человечка». Жар мешал ему забыться сном, и отдых свелся к нескольким часам беспамятства между сменами в Баррингтон-хаус. И каждый раз, когда он просыпался, оказывалось, что болезненное потное тело превратило постель в холодную вязкую лужу. Солнечный свет, проникавший сквозь тонкие шторы на окнах, больно бил по глазам, отчего Сет стонал, а потом плакал, прижимая подушку к лицу. Если же он сбрасывал одеяла, чтобы немного остыть, то быстро замерзал, и приходилось снова натягивать отсыревшую ткань на съезжившееся тело.

В итоге в три пополудни он поднялся, чтобы попить воды и проглотить обезболивающее. Наверное, именно в этот момент призрачное чувство долга, некая печальная пародия на протестантскую трудовую этику, заставило его одеться и отправиться на работу.

Но было здесь и что-то еще. Сет чувствовал себя едва ли не обязанным вернуться. Как будто его ждало какое-то важное дело, связанное с его странным сном и почему-то имеющее отношение к миссис Рот.

Выйдя из автобуса, Сет доковылял от угла Гайд-парка до Лаундес-сквер. Пот заливал лицо, он снова пропитал насквозь рубаху и джемпер на спине. Из пор выделялось столько липкой жидкости, что даже подкладка пальто успела отсыреть, пока Сет втащился на верхнюю ступеньку служебного входа. Каждый шаг отдавался взрывом в голове и ударом в нижней части спины, прерывистое дыхание больно клокотало в горячих легких, но он все равно накурился до тошноты.

- А-а-а, - простонал Сет, зажимая ладонями горящие уши, когда появился Петр.

- Ты не поверишь, что сегодня произошло. Теперь разразится большой скандал. Этот Джордж отправился «бомбить», когда должен был сидеть в здании. Не могу же я отвечать за весь дом, пока он пропадает где-то целую вечность...

Сет свернул на лестницу и спустился к комнате для персонала, сжимая руками голову и хрупкий, но невыносимый груз внутри. Менингит. Наверное, ткани

мозга воспалились и давят на стенки черепа. Голос Петра преследовал Сета.

- Придется ему заплатить за свою отлучку. Ведь у нас в контракте сказано, что служащим запрещено зарабатывать в других местах, помимо дома. Это же просто несправедливо. Почему он себе позволяет...

Ночью Сет запросто может умереть в своем кресле за полукруглой конторкой. Вдруг тот сон был прелюдией к коме? Да, он довел свой разум до полнейшего истощения, медленно разрушал себя, пока не осознал, что в существовании больше нет смысла, и вот теперь природа стремится избавиться от него, чтобы освободить других от тяжелого груза. Сет захихикал, затем зашмыгал носом.

В комнате для персонала он разделся до трусов и носков и над раковиной обмыл торс холодной водой, затем бумажными полотенцами вытер подмышки, шею и поясницу. К тому моменту, когда Сет облачился в униформу – серые полиэстеровые брюки, белую синтетическую рубашку, пуловер, галстук и темно-синий блейзер, – все тело снова было липким от пота.

Сет потушил свет и прилег на маленькую кушетку рядом с кулером. Прихлебывая горячий лимонный напиток, напичканный парацетамолом, Сет дожидался начала смены.

Следующие несколько часов болезнь не давала ему что-либо делать, только существовать внутри ее. Сет раскачивался в кресле из стороны в сторону, стискивая ладонями пылающее лицо. Яркие лампы в холле обжигали глаза, булькающие радиаторы угрожали обратить тело в пепел. Накрывшись своим пальто, Сет то и дело проваливался в беспамятство.

Вскоре после полуночи портье почувствовал в здании чье-то присутствие. Будто бы некто чужой, запертый на ночь вместе с ним, скользил по полу, бесцельно бегал вверх-вниз по лестницам и время от времени переезжал на лифте с этажа на этаж. Так мог бы вести себя заскучавший неугомонный ребенок, оказавшийся в большом доме.

Полчаса спустя Сет с трудом выдернул себя из кресла. Он слышал шорох одежды и топот быстрых маленьких ног. До сих пор звуки раздавались слишком далеко, откуда-то из глубины или сверху, и не вызывали беспокойства, но последняя их волна пронеслась мимо стойки, мимо его конторки, а следом

заскрежетала и стукнула дверь пожарного выхода, через которую можно было пройти в западное крыло.

Выйдя на лестницу, Сет услышал слабый топот бегущих ног, будто кто-то поднимался этажом выше. Затем настала тишина. Портье отправился выяснять, что случилось.

Квартиры на первом и втором этажах западного крыла пустовали. Одна была выставлена на продажу, хозяева остальных жили за морем, следовательно, здесь не должно находиться никого, способного так шуметь. Но, кажется, кто-то все-таки здесь был.

Любым звукам можно найти разумное объяснение: ветер гуляет в вентиляции, горничная или сиделка с какого-нибудь верхнего этажа – Сет знал как минимум двух – сошла вниз, чтобы выкурить сигаретку или позвонить по мобильному, а может, кто-то из жильцов спускался по лестнице, но обнаружил, что забыл дома бумажник, и вернулся в квартиру.

Над головой Сета, у следующего пролета, вдруг заморгала лампа, но в остальном все было в точности так, как бывало всегда в этот ночной час. Или же нет? Появился запах. Снова. Слабый, но явственно ощутимый, и чем дальше заходил Сет в своем расследовании, тем сильнее он становился. Шагая по коридору и принюхиваясь, Сет ощущал в воздухе серу. Как будто совсем недавно кто-то чиркнул спичкой. И еще дым – так обычно веет от одежды, если постоять у костра. Но к этому запаху примешивался еще один: еды. Да, как будто что-то жарится на гриле, мясной запах, словно от капающего в огонь животного жира. Точно так же пахло прошлой ночью из шестнадцатой квартиры.

– Какого лешего?

Поднимаясь, Сет останавливался у каждой двери и принюхивался к щели почтового ящика в попытке определить, не готовит ли кто-нибудь мясо. Однако запах усиливался ближе к центру лестничной площадки, совершенно исчезая у дверей. Как будто шлейф вони оставил после себя кто-то, прошедший по коридору.

На лестнице было тихо, и, поскольку не осталось сил подниматься дальше, Сет спустился на свой этаж и сел за конторку. Он не мог держать глаза открытыми

из-за болезненного давления внутри головы и провалился в глубокий сон.

Когда снова послышался шум, портье взглянул на часы: чуть больше половины второго. На этот раз звуки были более настойчивыми. Из-за стойки Сет услышал, как в западном крыле щелкнул, застонал, пришел в движение лифт. Он уехал по темной шахте куда-то на верхние этажи.

Кто-то его вызвал. Сет посмотрел на металлическую пластину под конторкой. Красный огонек бежал по цифрам, пока не стало ясно, что лифт остановился на восьмом этаже в западном крыле. В семнадцатой квартире последние четыре месяца никто не живет, поскольку мистер и миссис Ховард-Бродерик переехали в свои апартаменты в Нью-Йорке. Шестнадцатая квартира, как прекрасно знал Сет, пустует уже полвека.

Он наблюдал со своего кресла за подсвеченной панелью. Следил, как опускается лифт. Этаж за этажом, с восьмого вниз, в фойе. К нему, прямо к стойке портье.

Лифт затормозил с гидравлическим всхлипом и стукнул, остановившись. Дверцы остались закрытыми.

Сет робко выдвинулся из-за конторки и прошел через холл. Он заглянул в маленькое окошко на внешней двери лифта, но не увидел ничего, кроме отражения задней стенки. Испугавшись, что внутренние дверцы могут разъехаться, пока он смотрит в окошко, Сет отступил назад и нажал на кнопку, открывая лифт.

Кабина была пуста. Он не увидел ничего, если не считать собственного бледного лица, глядящего из зеркала.

Сет фыркнул и поморщился. Он снова ощутил запах дыма и горелой плоти, который здесь был гораздо сильнее, чем на лестнице.

Сет захлопнул наружную дверь и закрыл глаза. Это короткое упражнение вымотало его. Он слишком болен, чтобы переживать из-за дурного запаха или неисправного лифта. Вирус накинута на него с новыми силами, и Сету казалось, что даже самое незначительное усилие вот-вот прикончит его. Он с трудом

стоял на ногах и цеплялся за перила, спускаясь к служебному помещению, чтобы глотнуть воды из кулера.

Но отдохнуть не удалось. Когда Сет вернулся за стойку и упал в кожаное кресло, оказалось, что ночные тревобления только-только начинаются.

В два часа, уже второй раз за ночь, лифт западного крыла клацнул, остановившись в холле. Но на этот раз в нем был пассажир.

Сет поднялся с места и облокотился на стойку, моргая и чувствуя, как перед глазами все плывет. Щурясь от мигрени, волны которой пульсировали в голове, он увидел, как из кабины выползло нечто с несчетным количеством ног, и только когда тварь подкатилась к конторке, Сет узнал морщинистую физиономию миссис Шейфер.

Завернутое в просторное шелковое кимоно, ее пухлое тело пронеслось по ковру с поразительной скоростью. Голова, похожая на набитый мешок, запрокинулась назад, отчего плечи казались совсем узкими. Волосы, небрежно собранные под пестрым шарфом, были мокрыми. Несколько выбившихся прядей липли ко лбу и вискам.

– Сколько можно просить, чтобы работу сделали как следует? – Голос миссис Шейфер срывался на крик. – Они только и занимаются тем, что лазят на крышу, а изображения все нет и нет! Эти люди вообще что-нибудь понимают в спутниковых тарелках?

Она и раньше высказывала подобные претензии. По ковру за миссис Шейфер тянулся скользкий след, с ее брюха сочилась какая-то жидкость. От нее разило тухлым мясом.

– Мой муж, – заявила она Сету, который поднес ладонь к лицу, чтобы защититься от вони, – очень важный человек. Ему необходимо смотреть деловые новости. Он не ради развлечения просиживает перед телевизором.

Короткая передняя лапка замахала у него перед носом, подчеркивая серьезность слов. На конце тоненькой конечности болталась крохотная

человеческая ладошка.

– Мне нужен Стивен, немедленно!

Сет попятился.

Повернув громадную голову на жирной шее, миссис Шейфер вдруг выкрикнула:

– А ты еще кто такой?

Она обращалась к мальчику в куртке с капюшоном, который стоял у входной двери и смотрел на Сета через холл.

– Я же говорил. Ты будешь видеть все таким, какое оно на самом деле, – проронил гость.

Он не обращал внимания на миссис Шейфер, а она тем временем прокатилась по холлу обратно, выкрикивая, что ей нужен старший портье, и наконец ее раздутое тело втиснулось в кабину лифта. Когда Сет снова взглянул на входную дверь, мальчик уже исчез. В фойе опять было пусто и тихо, если не считать жужжания ламп на стенах. И запаха горелого мяса.

Сет вышел из-за стойки и осмотрел ковер на предмет оставленных миссис Шейфер пятен – ничего. Он готов был расплакаться. Когда Сет вернулся на место, конторка и мониторы камер слежения показались больше, чем прежде, они нависали и надвигались, пока не загнали его в самый угол. Вдруг входная дверь отодвинулась куда-то, будто он посмотрел на нее через широкий конец подзорной трубы.

Сет зажмурился и накрылся пальто с головой, ощущая на лице собственное влажное дыхание. Скинув ботинки, он сполз на пол за конторкой и свернулся калачиком.

– Нам нужна помощь, – проговорил старческий голос. – Прошу вас, пойдите со мной.

На этот раз к Сету обращался сам мистер Шейфер. Но только Сет никогда раньше не видел его таким.

Совершенно голый, мистер Шейфер подковылял к стойке на длинных костистых ногах с желтыми потрескавшимися ногтями. Конечности казались усохшими, ребра выпирали под тонкой синеватой кожей. Крючковатый нос, небритые щеки, седая голова, будто бы слишком тяжелая для тонкой шеи. Ниже впалого пупка Сет увидел огрызок пениса, сморщенную мошонку и поспешил отвести глаза. Мистер Шейфер был истощен до крайности, оставалось загадкой, почему он еще жив.

– Не могли бы вы подняться к нам? – вежливо спросил мистер Шейфер, его манера общения всегда разительно отличалась от грубости крикливой жены.

Невольно подчинившись, Сет поднялся и вышел из-за стойки. Он оказался на голову выше сморщенного старика. Мистер Шейфер, словно дитя, уцепился за локоть Сета длинными пальцами. В его прикосновении не было никакой силы.

Медленно, как будто старик двигался по канату, Сет повел мистера Шейфера к лифту, во все глаза глядя на чудовищный горб, изуродовавший спину и плечи престарелого жильца. Под туго натянутой кожей топорщился целый холм из переплетенных хрящей и черных вен. Сет почувствовал отвращение, но в то же время и острое желание потрогать и выяснить, твердый ли он.

– У вас что-то случилось?

Сет сейчас же осознал всю глупость подобного вопроса – достаточно того, что мистер Шейфер спустился к стойке портье в чем мать родила, а его жена превратилась в чудовищную арахниду. Но мистер Шейфер не упомянул ничего такого, он лишь пробормотал что-то насчет «подходящего момента».

Как только они вошли в квартиру на шестом этаже, Сет немедленно закрыл рот и нос рукавом пиджака, но это не спасло его от вони. По стенам коридора, тянувшегося через просторную квартиру, выстроились мешки с мусором. На каждый была наклеена желтая бирка с пометкой «Медицинские отходы».

Двери всех комнат, выходящих в коридор, были распахнуты. Внутри царил коричневатый сумрак, словно вонь сделалась видимой. Повсюду грудились такие

же мусорные мешки, громоздились стопки газет и журналов, стояли тарелки с остатками засохшей еды и валялась смятая одежда – создавалось впечатление, что за время долгого и убогого житья здесь супруги ничего не выбрасывали. Мокрый ковер под ногами Сета покрывали какие-то белесые пятна.

Сиделки нигде не было.

– Где ваша жена? – поинтересовался Сет напряженным шепотом.

Мистер Шейфер воздел свою цыплячью лапку и махнул перед собой в сторону гостиной, расположенной в конце коридора.

– А сиделка? – спросил Сет, отчаянно пытаясь совладать с голосом. – У вас ведь есть сиделка.

– От нее никакой пользы, – заключил мистер Шейфер и заморгал мутными глазками. – С вашей помощью мы справимся.

– Что я могу для вас сделать? Снова телевизор барахлит?

Старик прервал его, помотав седой головой:

– Все будет хорошо.

Голос его изменился, что показалось Сету крайне неприятным: в интонациях угадывалось что-то льстивое, и улыбка сделалась хитрой. Хуже того, когда они шли к сумрачной гостиной, старый Шейфер принялся издавать вздохи, показавшиеся Сету какими-то сексуальными; старик ковылял все быстрее, отчего его голова резко подпрыгивала и опускалась рядом с плечом Сета. Иссохшие пальцы стиснули его локоть.

В дверях комнаты Сет испугался, что его стошнит. В дальнем углу он увидел миссис Шейфер. Она сидела на корточках, опустив голову, повернувшись к ним жирной спиной. Все еще одетая в несвежее кимоно, она оглянулась и оторвала от пола огромные ягодицы. Сету показалось, что от этого незначительного движения по комнате пошла новая волна зловония и устремилась прямо ему в горло.

Мистер Шейфер выпустил руку портье и взволнованно заковылял по гостиной. Неуклюжий, он был сейчас похож на оживший скелет ребенка, который делает первые шаги по склепу; на ребенка, у которого одна нога короче другой.

Миссис Шейфер пристально наблюдала за Сетом, ее крошечные налитые кровью глазки яростно сверкали неодобрением, но в то же время и от предвкушения.

– Вы в состоянии помочь несчастному старику принять лекарство?

Мистер Шейфер прошаркал на своих птичьих ногах к картонной коробке с китайскими иероглифами и чернильной таможенной печатью. Его острые пальцы выудили длинную резиновую трубку и старый стеклянный шприц с большим металлическим кольцом. Старик бросил все на грязный пол, после чего занялся следующей коробкой. Полистироловая упаковка соскользнула и упала к его уродливым ногам. Мистер Шейфер вытащил банку, под тяжестью которой едва не опрокинулся навзничь.

– Помогите же ему! – прорычала миссис Шейфер.

Сет стряхнул с себя ошеломленное оцепенение и кинулся к мистеру Шейферу. Он принял у старика стеклянную банку. Она была покрыта пылью и наполнена желтоватой жидкостью. Нечто аморфное цвета сырой почки, законсервированное в сыворотке, прижималось к стеклу. Когда это нечто шевельнулось и открыло маленькие черные глаза, Сет выронил склянку.

– Осторожнее! – прокричала миссис Шейфер.

Ее муж упал на колени и завозился под ногами у Сета. Его бедро было перетянуто резиновым жгутом.

– Лекарство гораздо дороже, чем вы можете себе представить, а осталось у нас не так много! Вы что, идиот? Вы хоть что-нибудь можете сделать как следует? – В голосе миссис Шейфер звенели истерические нотки. – Мы платим вам жалованье и взамен просим не так уж много!

Старик устроился на полу, зажав банку коленями. Он поспешно ткнул в металлическую крышку иглой шприца, а его голова начала трястись, точно в

припадке, а лицо совершенно исказилось, как будто он был готов улыбнуться или же разрыдаться.

Маленькое существо в сыворотке несколько раз сжалось, словно пытаюсь защититься. Однако шевеление за мутным стеклом только раззадорило мистера Шейфера, он принялся тыкать в крышку с удвоенной энергией. Струйка слюны стекала у него с подбородка, раскачиваясь, словно маятник, в ритме яростных движений. Когда беспорядочная атака на металлическую крышку увенчалась успехом и он проткнул дырку, в банке зашипело.

Возможно, это был лишь выходящий воздух, однако Сет решил, что звук больше похож на тоненький крик.

– Вы безнадежны! – с возмущением сказала Сету миссис Шейфер.

Когда ее муж наконец просунул иглу в банку, Сет отступил назад и закрыл рот руками. Из сосуда выплеснулось немного желтой сыворотки и потекло по стеклянной стенке. Сету хотелось думать, что внезапный взволнованный визг издал старик, однако он знал, что на самом деле то был крик боли маленького существа.

Всю жидкость, какую мистер Шейфер набирал в шприц, он, не теряя времени даром, вводил себе в пах. Сет отвернулся.

– Тебе хорошо, дорогуша? – поинтересовалась миссис Шейфер у мужа. – Уже действует?

Она обратилась к Сету:

– Мы заказали мальчиков. Обычно они подсовывают девочек. Но в этой партии точно мальчики.

– Вроде бы мне лучше, – пробормотал мистер Шейфер, однако казался при этом смущенным и неуверенным.

Это был не тот ответ, который рассчитывала услышать супруга. Ее лицо налилось кровью, громадное тело заколыхалось под кимоно.

– А я тебе говорила, что не стоит менять марку! – Она развернула гневное лицо к Сету, как будто ища у него поддержки. – Он меня не послушал, потратил целое состояние на этот хлам. Пока еще посылка дойдет из Китая! Румыния ближе, и от их товара хотя бы был результат!

Мистер Шейфер казался подавленным и еще более изможденным, чем раньше.

– Мне не понравились последние поставщики. Я тебе говорил. Они мошенники.

– А кто не мошенник? – воскликнула миссис Шейфер. – И что теперь будет со мной? Ты ведь еще несколько месяцев назад знал, что приближается мое время.

Мистер Шейфер поднял голову и улыбнулся Сету:

– Это может сделать он.

Кажется, его слова успокоили жену.

– Ладно, тогда не стой столбом, – бросила она портье.

– Что? – удивился Сет.

Мистер Шейфер покачал головой:

– Очередной идиот. Что-то ты туго соображаешь.

– С тем же успехом они могли бы посадить за стойку обезьяну, – подхватила миссис Шейфер.

Супруги засмеялись, кажется впервые за долгое время наслаждаясь перемирием.

Старик поднялся и сунул в руку Сета монетку.

– Вот. Надеюсь, это поможет.

Сет раскрыл ладонь – на ней лежал десятипенсовик.

– Теперь понятно, – заметила миссис Шейфер. – Вот что ему нужно. Как я сама не догадалась? Но мы и так платим за обслуживание, вы не имеете права требовать чаевые!

Сет пытался отодвинуться от мистера Шейфера. Пальцы старика внезапно замелькали, словно вязальные спицы, теребя пряжку на ремне Сета.

– Что вы делаете? Прошу вас, не надо. Я не хочу!

– А вас никто и не спрашивает. Думаете, Стивен обрадуется, когда узнает? – проговорила из угла миссис Шейфер.

Сет оттолкнул настойчивые руки мистера Шейфера от своей ширинки. Все его внимание теперь сосредоточилось на миссис Шейфер – он отшатнулся.

– Господи, нет!

Она в углу оторвала тело от пола и медленно задрала кимоно, обнажая зад в жалкой пародии на соблазнительный жест. Сет, высвободившись из рук старика, успел увидеть влажную щель с серыми краями и чем-то розовым внутри, разверзшуюся посреди волосатого брюшка.

– Ну? – закричала старуха.

– Будь осторожен, Сет! – раздался голос за спиной.

В дверном проеме гостиной стоял мальчик в куртке с капюшоном.

– Кто это такой? – завизжала миссис Шейфер, опуская широкий подол и милостиво скрывая складки плоти.

– Что все это значит? – спросил Сета мистер Шейфер.

Его глазки забегали по сторонам, а рот растянулся в зловещую рану.

- Но что мне делать? - спросил Сет у мальчика.

Голос у него срывался, челюсть мелко дрожала.

- Ты должен их прикончить. Они этого заслуживают.

- Позвони Стивену! - завопила миссис Шейфер мужу.

- Я и сам собирался, - ответил тот и заковылял через комнату к телефону, который стоял на стопке медицинских каталогов.

- Но как? - спросил Сет, впервые ощущая себя таким слабым и бесполезным. - Я не могу.

- Ты обязан. Они давно должны были умереть. Они сами это знают.

Портье стиснул зубы, чувствуя, как успокоительно теплая волна гнева приходит на смену смятению и страху. В следующий миг обжигающая сила растеклась по конечностям. Миссис Шейфер, по-видимому, почувствовала перемену.

- Скорее, дорогой, - крикнула она мужу. - Мне кажется, он не в себе!

Старик застонал под тяжестью трубки. Он сощурился, глядя на кнопки, и его палец задрожал над одной. Сет подскочил и выхватил телефон, мистер Шейфер вцепился в аппарат.

- Как вы смеете? - возмутился он. - Отпустите, а не то пожалеете!

Сет оттолкнул старика - тот упал на грязный ковер и застонал. Телефонный аппарат полетел следом и с треском ударил по черепу, обтянутому пергаментной кожей.

- Ну теперь держись! - выкрикнула миссис Шейфер и пронзительно завывала.

Сет посмотрел на мальчика - тот кивнул. Он схватил за медное основание торшер, стоявший за грудой развалившихся картонных коробок, и дернул, разом

оторвав его от пола и от стены. Электрический провод остался в розетке. Сет прошел в угол гостиной, где тряслась бесформенная туша миссис Шейфер.

Она перестала визжать, чтобы спросить:

– Вы что, из ума выжили?

– Надеюсь, что так. – Сет ударил по обращенному к нему лицу.

– Ой, – произнесла паучиха, оглушенная антикварным светильником из орехового дерева и металла.

Она села прямо и попыталась напустить на себя величественный вид: откинула со лба прядь окровавленных волос и выпятила губы, словно собираясь накраситься помадой.

Сет снова ударил, теперь сильнее. Все мышцы на спине и руках напряглись, словно он орудовал топором.

– Готово, – сказал мальчик за спиной, и его голос частично заглушил треск черепа.

Сет засмеялся, чтобы в рыданиях не упасть на колени. Миссис Шейфер перестала болтать, однако ее губы все еще шевелились. Сет поднял лампу за основание и снова и снова опускал ее на противное лицо в надежде, что пухлое тело перестанет дрожать под кимоно. Оно, казалось, не думало замирать, и тогда портье принялся бить торшером в брюхо. После второго удара Сет услышал, как в рыхлом животе что-то порвалось, и туша наконец-то осела и обмякла.

– Жена, жена, моя жена! – слабо выкрикивал мистер Шейфер, не в силах подняться с пола.

– Не щади его, – посоветовал мальчик в куртке с капюшоном. – Они всегда жалеют в конце самих себя, но они заслуживают подобного исхода.

Сет согласно кивнул и прошелся по ковру, чтобы расправиться с мистером Шейфером. Под ногами что-то чавкало – жидкость, натекая из-под кимоно миссис Шейфер.

– Главное – начать, потом уже не так трудно, – с удивлением сообщил Сет мальчику. – Дальше просто выходишь из себя и разъяряешься.

– Совершенно верно.

– Но поразительней всего то, что они просто пустое место. Под конец они ничего не значили.

Мальчик в капюшоне взволнованно закивал.

Сет ударил лампой мистера Шейфера – будто огромная металлическая нога наступила в лесу на кучу хвороста.

– Этой ночью ты должен увидеть кое-что еще, Сет. Мне велели показать тебе, – сказал мальчик в куртке с капюшоном.

– Пожалуйста, не надо! Только не туда.

Сет стоял перед дверью шестнадцатой квартиры. Обшивка из тикового дерева сияла, словно золоченая, а из-под двери на зеленый ковер в коридоре сочился красноватый свет. Сет ощущал в помещении неумолимое движение, которое переполняло его ужасом. А вместе с движением угадывал и звук, который он уже слышал раньше, но не смог определить.

Голоса. Они звучали со всех сторон, сменяли друг друга, но возвращались снова и снова, как будто заело пластинку. Слабые, словно крик запертого в дальнем доме ребенка, услышанный зимним днем как раз в тот миг, когда солнце опускается в черные тучи. Жалобный писк. А следом раздался настоящий хор. Звук доносился из квартиры, но при этом со всех сторон сразу. Откуда-то сверху.

Сет окаменел от страха, он пытался шагнуть назад, но дверь просто придвинулась к нему.

– Ты должен, – сказал мальчик. – Он хочет показать тебе всех остальных, тех, кто заперт и не может выбраться. Они все ждут. Он откроет его специально для тебя, дружище.

Извиваясь и отбиваясь руками и ногами от загустевшего воздуха, который клубился за спиной и словно подталкивал его вперед, Сет пытался сопротивляться. Он интуитивно знал, что если переступит порог этой квартиры, то случится нечто жуткое. Ему придется столкнуться с чем-то таким, отчего у него замрет сердце.

В следующий миг они стояли в залитом красным светом коридоре по другую сторону двери, хотя Сет ее так и не открыл. Стояли бок о бок. Он и мальчик, от которого несло паленым мясом, порохом и сожженным картоном. Этот запах заполнил ноздри, запершило в горле. Стало трудно дышать, а кружащий на месте крик толпы приближался, словно с объятый ужасом игровой площадки. Он доносился откуда-то из недр помещения, словно за одной из тяжелых дверей жил неистовый смерч, куда попало множество людей, и их затягивало внутрь воздушного столба, снова и снова вертело по кругу, оставляя несчастным единственную способность – кричать.

Сет чувствовал, что обязательно упадет куда-то глубоко вниз, стоит ему открыть не ту дверь, и понесется с невероятной быстротой на звук голосов.

Мальчик стоял за спиной.

– Давай, приятель.

Его присутствие подталкивало Сета вперед. Ноги онемели, по ступням бегали мурашки, челюсть окаменела, и он с трудом дышал. Однако же Сет продвигался по черно-белым мраморным плиткам прихожей. Старомодные стеклянные лампы лили грязное мерцание, которое не достигало скрытого в темноте потолка и не могло толком осветить красноватые стены. Цвет стен сгущался до багряного оттенка бычьей крови вокруг больших картин в золоченых оправках. Тяжелые рамы походили на оконные, жизнь за которыми замерла под напором разрастающейся пустоты.

Пустота притягивала взгляд. Высасывала его из тела, оставляя позади лицо. Она подталкивала к плоской темноте на картинах, где изображалось полное отсутствие чего-либо. Сет холодел, он боялся высоты, как будто мог провалиться в картины.

Однако если долго вглядываться в ничто внутри рам, можно кое-что рассмотреть. Пусть смутное, размытое, похожее на бледную рыбину из темных стоячих забытых вод.

Сету показалось, что он видит то тут, то там какой-то быстрый промельк. Мерцание серых костей, лицо, быстро обернувшееся через плечо, желтые щелкающие зубы. Потом все исчезло. Или же это просто игра блеклого света, который искажает истинные контуры того, что рождается из мазков краски?

Когда Сет проходил мимо самого большого прямоугольного полотна, он совершенно отчетливо увидел отсыревшие кирпичные стены шахты, отстающие от рамы картины, а внутри тоннеля – бледный силуэт кого-то, спешно удирающего прочь, но задом наперед.

Постепенно, по мере того как Сет видел все больше и больше фрагментов обширного темного пространства, внутри рам проступали все новые контуры, они обретали все более ясные очертания. Сами же картины стали похожи на далекие неосвещенные комнаты. Внутри них что-то корчилось и извивалось, лица были отвернуты или закрыты от света. От некоторых картин веяло физическим присутствием, рябая человеческая кожа походила на сброшенную одежду, лишенную четких контуров, поскольку внутри не осталось ни мышц, ни костей. Тусклая телесная оболочка дергалась, сиюсь освободиться от тонких булавок, прищипливавших ее к стенам в пятнах ржавчины или гнили.

А затем Сета понесло вперед. Двигаясь рывками против своей воли, он летел мимо обитателей множества темных комнат по ту сторону рам. Чтобы глядеть прямо перед собой или под ноги – куда угодно, лишь бы не на жуткие стены и то, что с них свисало, – Сет пытался совладать с мышцами шеи, запрещая себе вертеть головой. Однако он все равно улавливал очертания людей боковым зрением или же видел на картинах впереди, потому что глаза упрямо отказывались повиноваться. Сет стиснул зубы, чтобы не кричать при виде извивающихся тварей, обглоданных до костей, разорванных на куски; ошметков плоти, изодранных, словно тряпки. Время от времени в пустоте мелькали смазанные побелевшие лица, искаженные криком. Вдруг на стенах с обеих

сторон начала формироваться какая-то жуткая масса, словно кто-то бросил клич и призвал всех обитателей картин собраться вместе.

Неясные лица, в которых было что-то животное, вскоре стали тесниться на границе темноты, конечности замелькали чаще. Но все терялось в полумраке, будто стоило увидеть эти существа при свете, – и потрясение было бы слишком велико даже для сна. Однако женщины все так же упорно пытались показать Сету желтые зубы, а мужчины, согнутые в три погибели, страдали от такой невозможной боли, что их искаженные криком лица синели и расплывались по краям.

В следующий миг Сет оказался в комнате примерно посреди коридора, где вихрь свистел еще громче. Ему пришлось заслонить глаза и присесть на корточки, чтобы не упасть, он задрожал от ледяного ветра. Он приносил с собой сотни голосов, и каждый рассказывал свою безумную историю.

– Прямо о стену. О стену. Разбил прямо о стену!

– Я не могу. Не буду. Он сказал, что вернется. Надо ждать здесь. Я знаю, что холодно, но жди здесь, любовь моя.

– Раздроби его. Сломай.

Сет подглядывал сквозь растопыренные пальцы, замирая от ужаса, но все равно желая увидеть тех, кто разговаривает, кричит и визжит рядом с ним.

Побелевшие лица стонали, но не открывали глаз. Они возникали и исчезали на фоне темных стен.

– Я его выхаркал. Выхаркал собственное сердце!

Это что, обезьяна? Похоже, у той твари вокруг рта растет шерсть!

– Он идет. Он спускается сюда. Вот теперь придется за все заплатить сполна!

Неужели у пожилой женщины могут быть такие зубы?

– Прости меня. Прости, пожалуйста. Кажется, я тону.

Сет увидел, как три существа, похожие на детей, с огромными головами и кукольными телами, цепляются за мокрые кирпичи в канализационной трубе.

– Неужели все спят? Прошу прощения, но неужели все спят? Мне нужен врач, а дверь заперта. Простите, что пришлось вас разбудить, но все огни погашены.

Все стены в краске. Потолок в краске. Она до сих пор не высохла. Красная с темным отливом, похожая на кровь или мокрую ржавчину.

Сет повернул голову, чтобы взглянуть на черный клюв, произнесший:

– Кровь. Здесь все в крови.

Он исчез, и Сет увидел, как чьи-то передние ноги взбрыкнули, погружаясь в жидкие тени.

– О господи!

Здесь не нашлось углов, где заканчивались бы стены, упираясь в потолок. Там, где недавно было замкнутое помещение, теперь раскинулось бесконечное пространство.

Слева от Сета, на уровне глаз, возникли четыре женщины, стоявшие на четвереньках. Все суставы у них были неестественно вывернуты, зубы и волосы росли из серо-розовой плоти пучками.

– Эй! Есть здесь кто-нибудь? Кто ты? Помоги мне, пожалуйста!

И вся эта процессия синюшных тощих тварей тащилась бесконечной вереницей из мрака на краю комнаты, оттуда, где должен был находиться потолок. Следуя друг за другом на параличных ногах или бесполезных копытах, щелкая и лязгая зубами, оскаленные, словно деревянные лошадки, кошмары двигались на фоне кромешной тьмы. Которая тоже двигалась, клубилась.

Сет вскрикнул, и жуткая костлявая фигура с раздуваемыми ледяным ветром ключьями волос рванулась к нему на четвереньках, но затем внезапно рухнула или же была отдернута назад. Вперед выдвинулся, работая локтями, некто иной, одетый в мешковатый балахон и с зашитыми глазницами. Монстр шипел от отчаянного желания добраться до Сета, но в своей слепоте был не в силах его отыскать.

– Я бодрствую? Умоляю, скажите. Или же я сплю?

Все уроды висели в застывшем воздухе вокруг Сета. В бескрайнем море газированной нефти, где все они тонули, всплывали и снова погружались в глубины. Комната превратилась в кошмарный котел, в котором увязли все эти существа, едва ли сознававшие присутствие друг друга. Некоторые слепо натыкались на других и либо набрасывались на них, либо безумно вопили от ужаса. Остальные болтались молча, накрепко пригвожденные к движущейся черной массе, а затем растворялись в пустоте. Ревом ветра был вопль десятков тысяч глоток. Сета едва не вывернуло наизнанку от тошноты, когда он осознал, что является всего лишь мелкой помехой в бесконечном бурлящем потоке.

Сет закрыл глаза. Он поднялся, пытаясь бороться, в надежде нащупать дверь, через которую можно выскользнуть. Но двери не было. Он снова принялся подглядывать сквозь пальцы, однако в крошечной темноте не смог разглядеть даже собственные ноги. И твари из потока воздуха то и дело задевали его. Что-то похожее на язык ткнулось ему в руку. Высушенная щетинистая морда уперлась в живот. Она говорит или кусает? Тонкие пальцы дотронулись, а затем принялись шарить по лицу. Их кончики были холодными, но настойчивыми в своих изысканиях, будто не ожидали нащупать его в темноте. Невидимая рука сжалась на ноге Сета, закричала женщина, чья-то кожа в коростах скользнула по тыльной стороне ладони. За спиной послышались кошмарные эротические стоны, и Сет ощутил лихорадочное движение чего-то шершавого и влажного, нацелившегося на него из темноты.

Сет рванулся туда, где некогда были стены. Он успел сделать всего несколько шагов, как температура воздуха резко упала. Тело заледенело. Он трясся с такой силой, что стало трудно дышать. Сет даже с зажмуренными глазами понял, что стоит на краю обрыва. Пол комнаты съезжился до маленькой платформы среди бескрайней ночи. Тьма напирала, удушая, сминая, доводя до безумия. И вся она устремлялась к площадке, на которой он стоял, как будто бы комната была единственным спасательным плотом в студеное море черноты.

Сет упал и вцепился в половицы, а изуродованные и расчлененные существа, которых он ошибочно принял за персонажей с картин в коридоре, сомкнулись над ним.

Из сна его выдернул телефонный звонок – Сет с криком очнулся. У него вырвался придушенный вопль, который неожиданно перешел в тоскливое рыдание – подобного звука Сет не производил еще ни разу в жизни. Но по мере того как ярко-желтый свет над стойкой портье проникал в обезумевшее сознание, а надежное кожаное кресло вжималось в спину, рыдания Сета превращались во всхлипывания.

Слезы высыхали на лице. Он откашлялся, прочищая горло от слизи. Сет так и сидел, вцепившись в подлокотники, пока кровь не отхлынула от пальцев, – наверное, мозг отдал приказ держаться, спасая его от падения с головокружительной высоты.

Сет огляделся по сторонам, и знакомые предметы помогли ему стряхнуть с себя пережитый ужас. Родной мир камер слежения, планшетов, внутренних телефонов вновь окружал его, прогоняя из сознания клочки удушливой темноты. Кошмар рассеялся, а вместе с ним, к счастью, и ошеломляющая уверенность, что все недавно увиденное происходило на самом деле.

Он болен. По-настоящему болен. Несомненно, болен.

Кому-то понадобился портье. Кто-то звонит. Господи, давно ли? Который теперь час? Сет развернулся в кресле и схватил трубку с пульта.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бетти Пейдж – звезда эротического фото, секс-символ 50-х годов. (Здесь и далее прим. перев., кроме особо оговоренных.)

2

Данди – город в Шотландии, административный центр, расположенный на заливе Ферт-оф-Тей.

3

Дуглас Фэрбенкс-младший – актер, сын Дугласа Фэрбенкса, знаменитого голливудского актера эпохи немого кино.

4

Английский автомобиль марки «Остин». (Прим. ред.)

5

Популярная панк-группа, созданная в Калифорнии в 1978 г. (Прим. ред.)

Купити: https://telnovel.com/nevill_adam/nomer-16

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)